

БАЗИЛЬ

ФРАНЦУСКАЯ ПОВѢСТЬ

изъ

сочиненія г. Арнода

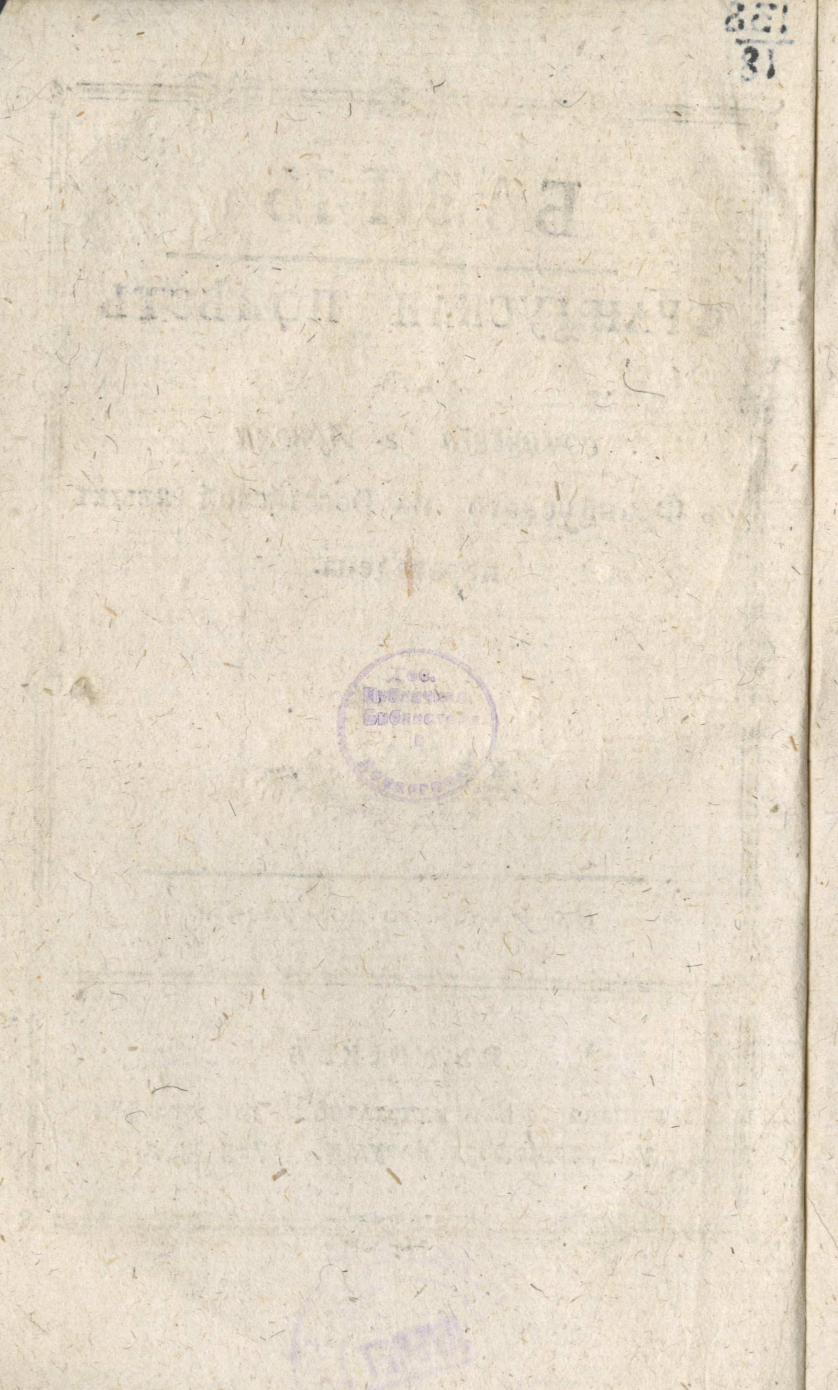
съ Французскаго на Россійской языкъ

переведена.

Съ Указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ
Печатано въ театральной типографіи
У Христофора Клаудіи, 1785 года.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ

отъ Арміи

ГОСПОДИНУ ПОЛКОВНИКУ

И ОРДЕНА

СВЯТАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

КАВАЛЕРУ

ВАСИЛЬЮ СТЕПАНОВИЧУ

ПОПОВУ

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЬ!

Первой плодъ моего ученія, пріемлю смѣлость посвятить вашему имяни, коего благосклонное принятіе умножить мое прилежаніе, и усугубить то высокопочитаніе, съ коимъ я есмь, и навсегда пребуду,

милостивый государь!

ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАРОДІЯ

Преданнейшимъ слугою,

Е. Л.

БАЗИЛЬ
ФРАНЦУСКАЯ ПОВѢСТЬ.

На дорогѣ отъ Парижа къ Лїону проѣжжая Бургонїю, находится немного въ сторону малинькая деревенька, одаренная всемъ отъ Бога. Ее положенїе самое наипрїятнѣйшее, она лежитъ на ровномъ мѣстѣ; гора покрытая сосновою рощею защищаетъ ее отъ восточнаго вѣтра, пригорки осажены виноградомъ и плодоносными деревьями; а долины изобилуютъ паствами. Безчисленное множество водометовъ производятъ прїятную прохладность. Самая зима кажется почитаетъ зелень въ семъ прекрасномъ округѣ; можно почти сказать, что невинность и простота прежнихъ временъ избрали ее своимъ убѣжищемъ. Жители ее живутъ между собою такъ, какъ честная семья

въ любви къ тишинѣ и добродѣтели; все что они ни дѣлаютъ, есть ничто иное, какъ оказываютъ взаимныя благодѣянія: они другъ друга утѣшаютъ, защищаютъ и оказываютъ взаимно помощь; всякой сосѣдъ спѣшитъ обработать пашню другова, когда тотъ болѣнъ, естли онъ умретъ, то помогаютъ вдовѣ и дѣтямъ, у сиротъ заступаютъ мѣсто родителей. Тотъ, которой много имѣетъ домашняго скота, удѣляетъ тому, которой его не имѣетъ, они называютъ другъ друга братьями. Сіи добрыя люди вкушаютъ мало щастія, а неменѣе имъ наслаждаются; они другъ друга не укоряютъ, и сносятъ бремя попрековъ съ радостію, они не имѣютъ сожалѣнія возвращать то, что получили отъ благотворительной руки, почитая оное за кладъ, которой во зло не употребляли: послѣднія ихъ взоры обращаются на небо съ увѣреніемъ, которое ихъ подкрѣпляетъ противъ боязливости къ смерти, о дражайшемъ преимуществѣ, котораго наши свѣтскіе люди совершенно не знаютъ.

Одинъ

Одинъ изъ сихъ почтенныхъ жителей былъ восьмидесяти лѣтъ; отъ тринатцати сыновей остался у него одинъ, которой назывался Базилемъ: сей молодой человѣкъ былъ семнатцати лѣтъ, неиспорченнаго нрава: рѣвность исполняла его должности, онъ былъ примѣромъ сей деревни, открытая и притягивающая физіогномія показывала великость наичистѣйшей и наичувствительнѣйшей души; онъ выучился читать и писать у своего дяди, которой въ сей деревнѣ былъ прикащикомъ, онъ имѣлъ всѣ пріятности разума, которой бы наималѣйшія науки могли сдѣлать совершеннымъ; но его хорошія свойства и любовь къ родителямъ превосходили сіи щастливыя дарованія: сама природа казалось имѣла удовольствіе изощрять его душу.

Отецъ его почувствовалъ смерть свою съ такимъ спокойствіемъ, которое оказываетъ добродѣтельнаго человѣка. Сынъ мой, говорилъ онъ, недолжно плакать: мнѣ пора умереть, я уже много видалъ на свѣтѣ, утѣшься,

 Базиль,

Базилъ, для помощи, въ которой мать твоя имѣетъ нужду, содержи ее, я васъ оставляю въ бѣдномъ состоянiи! Ахъ! я много потѣлъ, я работалъ близь осьмидесяти лѣтъ, для того, чтобъ имѣть малой кусокъ хлѣба, продолжаетъ старикъ, проливая слезы, ты видишъ, мой сынъ, съ трудомъ остается малинькая постеля, на которой я умираю! но я не менѣе Бога благодарю; онъ намъ всѣмъ отецъ, которой изливаетъ на тебя, и на мою любезную Николину свое благословенiе; мой сынъ, онъ мнѣ даровалъ милость воспользоваться добрыми примѣрами отца моего, съ твоей стороны слѣдуй моимъ, помни, что въ бѣдности честь предпочтеннѣе всему, что есть на свѣтѣ, болѣе всего я тебѣ приказываю, не оставляй деревни, и непереселяйся жить въ городѣ, сказываютъ, что тамъ нѣтъ ни чистоты ни закона; любезный сынъ, люби всегда Бога и мать, я тебѣ повторяю: она кромѣ твоихъ рукъ не имѣетъ помощи . . . . Еще разъ, мои друзья, не плачте, подойдите, я васъ обойму; дайте мнѣ

насытиться

насытиться тѣмъ удовольствіемъ, которое я вкушаю прижимая васъ къ моему сердцу: Базиль,.. Николина.... Я чувствую, что не такъ трудно умирать. И старикъ при сихъ словахъ казался не мертвымъ, но будто наслаждается пріятнымъ сномъ, которой изобразилъ на лицѣ его все спокойствіе души, безъ наималѣйшаго угрызенія совѣсти.

Базиль и его мать посвятили первыя дни своей потери тому огорченію, которое уменшаетъ время, не теряя онаго. Находятся такія болѣзни, которыя мы любимъ, и находимъ нѣкоторое удовольствіе ихъ удерживать, и питать оныя во внутренности своего сердца; тотъ, коего смерть заставляетъ насъ узнать того, коего память мы почитаемъ и любимъ, есть безъ противорѣчія изъ числа тѣхъ глубокомысленныхъ чувствованіи, съ коими тысяча пріятностей соединены. Нещастливъ тотъ жестокой утѣшитель, которой хочетъ отринуть насъ отъ сего наслажденія чувствованій! удержи свои ложныя заключенія глупой и

хладнокровной болтунъ, и оставь меня моимъ слезамъ.

Почтенный старикъ не выходилъ изъ памяти у Николины и Базилія, онъ при всякомъ словѣ поминалъ своего отца; ему совѣтовали срубить дерево, которое мешало къ увеличиванію ихъ хижины: друзья мои, у меня не достанетъ къ тому силы; мой отецъ садилъ его своими руками, и оно напоминаетъ всякой день, что мой любезный отецъ часто сиживалъ подъ симъ деревомъ, когда я былъ лѣтъ четырехъ, держивалъ меня на своихъ колѣняхъ, обнималъ, мочилъ мое лице своимъ потомъ и слезами, отъ нѣжности происходящими.... Ахъ, пусть лутче ростетъ сїе дерево и больше разпространяется!.... Нѣтъ, оно меня не безпокоитъ. Базиль искалъ всегда случая уменьшить Николинину работу. Нѣкогда сказала Николина: завтра, мой сынъ, пока ты будешъ чинить кровлю нашей хижины, пойду я и обработаю нашу землю. Базиль не отвѣчаетъ, пользуется временемъ, пока Николина спитъ, бѣжитъ обработываетъ

ваетъ сїю землю: приходитъ съ радостїю, матушка не вставайте такъ рано; отдыхайте еще: я ужъ обработалъ землю; а теперь хочу поправлять нашу хижину. Какъ, мой другъ! ты этотъ трудъ сдѣлалъ! Вы это трудомъ называете, матушка? я никогда еще такова удовольствїя нечувствовалъ, будьте только спокойны; у васъ уже силы изчезаютъ, а я, еще молодъ; я долженъ за васъ работать: я отъ васъ только того требую, чтобъ вы меня любили: и тѣмъ буду довольно награжденъ за мою работу. Базиль въ слезахъ бросается въ объятїя Николины. Черной хлѣбъ и вода были ихъ пищею. Но они другъ друга любили, были добродѣтельны, и полагали свою надежду на Бога, котораго милости и правосудїе безконечны.

Короче сказать, Базиль спорилъ о нѣжности съ своею матерью, и хотѣлъ одинъ нести то бремя, которому подвержены наши хлѣбопашцы. Ахъ несчастные деревенскїе жители, наши честолюбивые граждане даже не подумаютъ объ васъ съ сожалѣнїемъ:

 они

они не знаютъ жестокости соединенной съ вашимъ состоянїемъ, или хотя они и имѣютъ нѣкоторое понятїе, то и тогда съ трудомъ чувствуютъ сожалѣнїе. Они довольствуются земными плодами, которые вамъ столько трудовъ стоятъ, которые бываютъ часто омываемы вашими слезами, не помышляя даже и того, что кому они должны благодарить за сїи благодѣянїя, которыя содержатъ ихъ жизнь и льстятъ ихъ вкусу: но утѣштесь, и недумайте о ихъ неблагодарности, вы нечувствуете ни скуки ни угрызенїя совѣсти.

Маркиза де Манневалъ была изъ числа такихъ, которые подвержены болѣзнямъ душевнымъ, но имѣла щастїе отъ оныхъ освободиться; ничто немогло утѣшить ея печали, которой она была подвержена. Спустя нѣсколько времяни по смерьти ея супруга, потеряла она сына, котораго обожала: молодой Маркизъ де Манневалъ умеръ оспою, на дорогѣ, когда мать его везла въ Парижъ изъ одного отдаленнаго мѣста, въ которое она за нимъ ѣздила,

онъ

онъ жилъ въ отдаленной деревнѣ съ однимъ только надзирателемъ и старымъ слугою; обстоятельства повелѣвали его родителей воспитывать онаго въ отдаленномъ мѣстѣ. Маркиза напротивъ того, которая жила богатствомъ мужа, увидѣла вдругъ себя лишенну мужа и имѣнія, потому что на ее часть досталось столько, что онымъ съ трудомъ жить было можно. Я почитаю за нужное остановиться на нѣсколько времени у надзирателя, потому, что онъ въ сей повѣсти занимаетъ одну изъ первыхъ ролей. Реми, такъ онъ назывался, имѣлъ кромѣ своего большаго разума твердое намѣреніе поправлять свое низкое произхожденіе. Родившись весма низкаго состоянія горѣлъ онъ желаніемъ возвысить себя на самую верхнюю степень; онъ подверженъ былъ двумъ обманчивымъ страстямъ, честолюбію и любви къ богатству: сіи то страсти были его божествомъ, и онъ былъ намѣренъ имъ всѣмъ жертвовать. Извѣстно, что онъ съ сею мыслію могъ побѣдить всѣ препятствія, которые бы могли

ему встрѣтиться; онъ былъ остроуменъ, вкрадчивъ, проворенъ, ласкателенъ, зналъ весьма свѣтъ, имѣлъ дарованіе попадать на всякаго вкусъ, принимать всѣ голоса. Подъ столь различными масками, доходилъ онъ до своего предмѣта; подобно ползующему животному, которое хотя и тихо ползетъ, но доходитъ туда, куда его зоветъ природное побужденіе. Не устрашили бы его величайшіе пороки, естьли бы ихъ обстоятельства потребовали, и когда бы онъ былъ увѣренъ, что онѣ останутся безъ наказанія. Я примѣчаю, что описывая Реми изобразилъ я человѣка, который называется человѣкъ свѣтской. Съ самой той минуты, когда нашъ гордый надзиратель увѣдомился о смерти г. Менневала, началъ думать, что можетъ онъ понравиться молодой вдовѣ, и что сіе мнѣніе питаемое разными подлостями, доведетъ его до бракосочетанія. Я прибавлю еще, что Реми былъ одаренъ природою благопріятствующимъ видомъ, дарованіями соблазнять, и тѣми малыми пріятностями,

которыя въ глазахъ разумнаго человѣка столь мѣлкими кажутся, но для общества весма нужны, а особливо природа его наградила смѣлостїю, которую ничто не можетъ привесть въ замѣшательство; наконецъ все то имѣлъ, что можетъ плѣнить женской полъ, котораго трогаетъ наружное, и которой вдался въ слабость, и часто отъ того бываетъ жертвою.

Нашъ хитрецъ увидѣлъ себя лишенна того пути, которой онъ себѣ предписалъ; смерть его воспитанника привела оное намѣренїе въ безпорядокъ. Богатство Маркизы не равнялось съ ея красотою и сїе послѣднее не казалось болѣе въ глазахъ Реми достоинствомъ счастїя. Однако самолюбїе его, или болѣе его суетность ободряла торжествовать надъ добродѣтелью Маркизы. Онъ остался при ней какъ такой человѣкъ, которой былъ въ дѣлахъ знающъ, и которой намѣренъ стараться о ея пользѣ.

Словомъ, Реми былъ усерднѣйшїй надзиратель, чемъ и прїобрѣлъ отъ Маркизы Менневалъ слѣпую довѣренность

ность; у добродѣтельныхъ сердецъ чувствительность неограничена, благодарность есть весма пріятное удовольствіе! они предаются оной безъ осторожности, и непредвидя тѣхъ жестокихъ слѣдствіи, которые могутъ произойти отъ сей чуствительности. Коварный Реми намѣренъ былъ воспользоваться чувствительностію Маркизы: она проливала слезы въ его объятіяхъ. Не богатство она оплакивала, но супруга, а особливо сына, одно воображеніе ввергало ее въ величайшую печаль, которую проворной надзиратель старался воспользоваться: сердце, которое подвержено печали, готово принять знаки нѣжности, тотъ, которой утѣшаетъ, обыкновенно скоро можетъ возбудить къ себѣ любовь.

Госпожа Менневалъ ѣхала въ Парижъ намѣрена будучи жить въ уединеніи и совсемъ предаться своей печали.

Базиль оставилъ свою хижину, и пошелъ къ празднику, которой былъ тогда въ одной деревнѣ находящейся по тойже дорогѣ; онъ былъ одѣтъ тогда въ праздничное платье. Маркиза остано-

остановилась въ оной деревнѣ обѣдать. Она тогда находилась одна съ своей горнишной; Реми упражнялся въ приказанїяхъ касающихся до ихъ путешествїя, гжа. Менневалъ увидя тогда Базиля, кричитъ: мой сынъ! Юлїя продолжала она, оборотясь къ своей горнишной дѣвушкѣ, можетъ ли быть чувствительнѣе сего сходствїя? смотри: это мое любезное дитя на котораго я смотрю! это точно его глаза, такой же ротъ! о небо! сїе сходствїе дѣлаетъ мою потерю сноснѣе . . . . . Юлїя, чтобъ я видѣла сего молодаго человѣка; чтобъ съ нимъ говорила приведи его ко мнѣ, скажи ему . . . . . Гжа. Маркиза не можетъ удержаться отъ восхищенїя: она бѣжитъ къ Базилю недожидаясь, чтобъ его привела горнишная ея дѣвушка, не разсматривая его и не говоря еще съ нимъ, болѣе дваццати разъ намѣревается она броситься въ его объятїя, омочить его своими слезами; называетъ его своимъ сыномъ, и не видитъ ничего болѣе сего предмѣта. Она узнаетъ, что у него есть мать, что онъ

съ ней

съ ней живетъ: Какъ она счастлива! у ней есть сынъ! а я! потеряла свое любезное дитя. . . . Все что я любила! какъ я достойна сожалѣнія. Какъ! сударыня говоритъ ей Базиль, развѣ всѣ люди вашего состоянія достойны сожалѣнія? Ахъ мой другъ, это мать твоя, которая несчастія знать не должна; небо тебя произвело для ея утѣшенія и . . Любишъ ли ты мать свою? Конечно я ее, сударыня, люблю, я пожертвую для ее своею жизнію. Когда я на полѣ отягченъ великимъ зноемъ, и усталостію, тогда я тѣмъ себя утѣшаю говоря: вить это я работаю для любезной моей матушки, тотъ часъ чувствую себѣ облегченіе и удвояю мои силы. Гжа. Менневалъ проливала слезы: О превосходное сердце! сынъ мой такжебы горячо меня любилъ! онъ мнѣ такъ былъ дорогъ (*Базиль хочетъ удалиться*) не оставляй меня любезное дитя. Юлія, какъ онъ меня трогаетъ! я незнаю что мнѣ дѣлать, удалить сего молодаго человѣка, убѣгать все то, что мнѣ приводить на память моего сына, но тогда же не могу до-

довольно

вольно на него наглядѣться, его слышать . . . . Какъ я имъ плѣнилась! но должно мнѣ оставить сїе столь нѣжное и сладкое удовольствїе, я уже болѣе не мать! наконецъ Базиль хочетъ удалиться отъ гжи. Менневаль: Мой другъ сказала она съ живностїю, вотъ прими сїю бездѣлицу (*это были двенатцать Луидоровъ*) это будетъ тебѣ обо мнѣ напоминать: прошу тебя мнѣ въ семъ неотказывать. Базиль покраснѣлъ и задумался. Мы бѣдны, сударыня но мы не просимъ . . . . Опасайся подумать чтобъ я тебя хотѣла унизить . . . Я съ тобою обхожусь . . . Какъ съ моимъ сыномъ; я бы желала чемъ нибудь тебѣ быть полѣзною. Какъ тебя зовутъ? Базилемъ, сударыня. Ну, такъ вотъ тебѣ записка, любезной мой Базиль, по которой меня найти въ Парижѣ, пиши ко мнѣ, да естьлибы я могла вамъ чемъ услужить, то было бы это мнѣ утѣшенїемъ въ моей печали.

Гжа. Менневалъ сказала сїе съ такою благосклонностїю, которая заставляетъ любить то, что она даетъ. Честолюбїе

толюбіе Базилево перестало возмущаться. Истинное благодѣяніе имѣетъ такое трогающее свойство, что больше себѣ поставишъ за честь его принять, нежели отвергнуть; но такимъ образомъ дѣлать благодѣяніе еще не многимъ извѣстно; Реми лишъ взошелъ, Маркиза ему кричитъ: Господинъ Реми, не видалъ ли ты здѣсь молодаго человѣка? это образъ.... Это мой сынъ! нельзя быть сходственнѣе лица: О тебѣ должно его видѣть.

Онъ нашелъ скоро сего крестьянина; и долго съ нимъ говорилъ. Реми вышедши отъ него погрузился въ задумчивость, и бывъ нѣсколько время одинъ; съ жаромъ прибѣжалъ къ гжѣ. Меннвалѣ: Я симъ весма тронутъ г. моя, это не возможно и въ правду. ... Я думалъ что опять вижу г. Маркиза: этотъ молодой человѣкъ почти тѣхъ же лѣтъ, онъ на него чрезвычайно похожъ, черты его лица, его голосъ. Мое удивленіе не дозволяетъ мнѣ изъясниться; я долго съ нимъ разговаривалъ: у него много природнаго разума, которой малѣйшее

воспитаніе

воспитанїе могло бы сдѣлать совершеннымъ; . . . . . Онъ умѣетъ читать и писать . . . . . Да сударыня, можно его тотчасъ почесть за вашего сына . . . . . Естьли бы сей молодой человѣкъ съ нами поѣхалъ въ Парижъ! Это утѣшенїе, которое вамъ небо даруетъ. Сїе ослѣпленїе обманывало бы вашу печаль и ее бы уменьшало.

Маркиза приняла сїе намѣренїе съ радостїю; но какъ намъ его уговорить къ сему? онъ кажется весьма любитъ свою мать, а той бѣдной женщинѣ конечно будетъ сїе великой печали стоитъ. Ахъ сколь много я сїе чувствую, что намъ болѣе сего можетъ быть чувствительнѣе, какъ оставить сына? . . . . . Я признаюсь онъ во мнѣ произвелъ безпокойство, и что я бы желала его никогда не спускать съ глазъ. Ваша правда: мое любезное дитя, котораго я опять вижу, съ которымъ я говорю; я не понимаю, какъ я могла удержаться отъ восторга, и не бросилась въ его объятїя: Базиль возбудилъ во мнѣ опять всѣ чувства материнскїя! Да для

чего сударыня вы не стараетесь получить себѣ сïе удовольствïе? будьте увѣрены, что я всѣми силами буду о семъ стараться. Не сумневайтесь, Базиль будетъ за нами слѣдовать. Изволите здѣсь на короткое время остановиться, скажите, что вы не здоровы, отдалите всѣхъ своихъ людей, а я постараюсь его уговорить.

Госпожа Менневаль приняла сïе предложенïе и притворилась нездоровою: она часто видала Базиля, и при каждомъ его посѣщенïи, имъ больше плѣнялась. Реми всегда казался быть занятымъ и задумчивымъ. Онъ употреблялъ все свое искуство передъ Базилемъ: онъ описывалъ ему Парижъ, возвышалъ его прïятности, и говаривалъ что завидное щастïе ожидаетъ того, которой хотя короткое время тамъ поживетъ, онъ выхвалялъ благодѣянïя Маркизы, ея благотворительную нѣжность, словомъ, онъ ему представлялъ сïянïе блистающаго щастïя. Базиль слушалъ со вниманïемъ: онъ плакалъ, на лицѣ его изображалась чувствительность, которая измѣняла

мѣняла безпокойство его души; наконецъ сказалъ онъ: государь мой, вы во мнѣ произвели сильное желанїе видитъ тотъ Парижъ, о которомъ наши крестьяне разсказываютъ столь многїе чудеса! но я обѣщалъ моему отцу, что никогда не поѣду въ городъ, а я никогда не хочу ему быть ослушнымъ: и сїе обѣщанїе не могу я никогда нарушить. Мнѣ сказывали, ты любишъ свою мать? конечно государь мой она любезнѣе всего, что вы только себѣ представить можете: Ахъ бѣдная женщина, она не имѣетъ никакой подпоры кромѣ меня, и я такое имѣю удовольствїе ее при старости утѣшать, и доставлять ей пищу! естьлибъ я ее оставилъ хоть на минуту . . . . . Любезный Базиль, ну естьлибъ это случилось для того, что тебѣ и Николинѣ составить такое состоянїе, которымъ бы вы препроводили остальную свою жизнь щастливо? Ахъ естьли кто сдѣлаетъ моей матери добро, тогда я доволенъ . . . . Но государь мой, мой отецъ мнѣ много разъ говаривалъ, что въ городѣ нѣтъ ни вѣры ни чисто-

сердечія. Я помню, онъ мнѣ всегда сіе напоминалъ. Сынъ мой, съ отцомъ твоимъ можетъ было худо поступлено. Но есть въ Парижѣ люди, которые чистосердечны и добродѣтельны. Въ протчемъ будешъ ты жить у гжи. Маркизы, которая будетъ тебя содержать какъ собственнаго сына: у тебя будетъ все съ излишествомъ: мать твоя пріѣдетъ къ намъ, или естьли ты захочешъ, то ее будутъ здѣсь осыпать благодѣяніями гжи. Маркизы, она мнѣ приказала тебѣ отдать сію ея новую благосклонность.

Тотчасъ показалъ ему Реми кусокъ шелковой матеріи, которая была на платьѣ Николинѣ: онъ присоединилъ къ сему золотой крестъ и другія бездѣлюшки. Поди и увѣдомь мать свою о нашемъ намѣреніи, скажи ей, что во время нашего отсутствія ей ни въ чемъ нужды не будетъ: ей все будутъ присылать, чего она ни пожелаетъ, и какъ я уже скавывалъ тебя ей опять возвратятъ или она будетъ вкушать то щастіе, которое для тебя въ Парижѣ приготовлено.

Базиль

Базиль полѣтелъ въ свою хижину, онъ началъ показывать своей матери богатыя матерïи. Николина не могла довольно надивиться. О какое богатство! что это значитъ другъ мой? Матушка, такъ это вамъ нравится? ну такъ . . . . Это для васъ! Что ты говоришъ? это подарокъ той Парижской госпожи, отъ которой я вамъ принесъ двенатцать Луидоровъ. Изъ этого можете вы здѣлать длинное платье. . . . О вовсемъ нашемъ приходѣ не будетъ наряднѣе васъ: какъ вамъ будутъ завидовать! всякой будетъ говорить: посмотритетка на Николину, она будетъ скоро знатною госпожею. Матушка, я съ радости внѣ себя: подите . . . . Слава Богу мы ужъ больше бѣдны не будемъ.

Базиль горѣлъ желанïемъ говоритъ. Онъ пространно разсказывалъ свое похожденïе: но какъ онъ дошелъ до того, что сïя знатная госпожа требовала, чтобъ онъ съ ней поѣхалъ въ Парижъ; тогда показала Николина всю материнскую чувствительность: Базиль, ты хочешъ меня оставить, и хочешъ

ѣхать въ сей недостойный городъ, о которомъ говорятъ . . . что тамъ все позабудешъ? развѣ ты непомнишъ того, что тебѣ твой отецъ приказывалъ, изъ нашей деревни не выѣжжать? за такую цѣну не желаю я никакого щастія, любезный другъ, это правда, мы бѣдны: но насъ ничемъ не попрекаютъ, будемъ малымъ довольны: мы работаемъ, трудимся: но мы честны. Вотъ возми твое хорошее платье, и все сіе знатное украшеніе; но не оставляй меня; естьли тебя ужасаютъ труды, то я стану стараться ихъ одна исполнять; Базиль, оставь мнѣ утѣшеніе тебя видѣть, тебя обнимать! знай, что всѣ знатныя Парижскія госпожи не знаютъ, какъ любить свое любезное дитя.

На другой день принесли Базилю кафтанъ изъ хорошаго сукна не сходственной съ тѣмъ, которой онъ носилъ: онъ обращалъ на него свой взоръ, чтобъ его хорошенько разсмотрѣть: но взглянувъ на свою мать, оставлялъ онъ свое путешествіе и проливалъ слезы въ ея объятіяхъ.

Реми пришелъ ихъ посѣтить, при семъ случаѣ употребилъ онъ свое искуство, дабы ихъ совсемъ развратить. Онъ безпрестанно говорилъ Базилю о томъ многомъ добрѣ, которой онъ можетъ оказать Николинѣ. Базиль пребывалъ въ недоумѣванiи: сердце его обращалось то къ маркизѣ, то къ матери, то къ бѣдной своей хижинѣ. Николина видя своего сына въ такомъ состоянiи, пошла и бросилась возрыдая, къ ногамъ гжи. Менневаль, и заклинала ее оставить ей ея сына. Симъ справедливымъ срѣдствомъ трогаетъ насъ природа; гжа. Менневаль плакала съ крестьянкой, и была готова исполнить ея прозбу. Нѣтъ, я тебѣ непритчиню сего огорченiя, ахъ я также была мать какъ и ты, я испытала, что ничто бы не было въ состоянiи изторгнуть сына моего изъ моихъ объятiи.

Но повѣрютли? хитрой надзиратель, которой принялъ отважнѣйшее намѣренiе, дошелъ наконецъ разными хитростями до своего предмѣта, и уничтожилъ великодушныя намѣренiя Маркизы. Онъ довелъ до того Ни-

 колину

колину что она его отпустила, Базиль будучи омоченъ слезами матери, проливъ слезы, обѣщался ей скоро возвратиться и сдѣлать ее щастливою. Что можетъ быть всего удивительнѣе, что это слабость гжи. Менневаль, которая прежде была столь чувствительна къ Николинѣ, а наконецъ предалась пагубному совѣту Реми: но должно признаться, что какъ Маркиза ни была добродѣтельна, но нельзя ей сею слабостiю попрекнуть, потому, что многiя сего пола оной подвержены.

Всякую минуту умножалась любовь гжи. Менневаль къ молодому крестьянину: онъ безпрестанно говорилъ о своей матери, о удовольствiи, которое онъ будетъ чувствовать когда ее опять увидитъ, когда ее сдѣлаетъ щастливою, и облегчитъ ее старость. При сихъ разговорахъ, Маркиза проливала слезы. Что касается до надзирателя, то чемъ ближе подъѣжжали они къ Парижу, тѣмъ задумчивѣе онъ казался, то взглядывалъ онъ на Базиля, то на гжу. Менневаль, иногда казалось, что онъ нѣчто хочетъ

говорить

говоритъ съ Маркизою, но вдругъ наблюдалъ молчанiе. Они еще не доѣхали до Парижа двапцать миль, Реми показалъ чрезвычайное движенiе. Государыня моя, сказалъ онъ гжѣ. Менневаль, смѣюль я просить васъ о позволенiи поговорить съ вами нѣсколько времяни на единѣ? Маркиза не знала къ чему это клонилось: однако позволила Реми то, что онъ требовалъ. Они пошли одни въ горницу: надзиратель увѣдомясь, что ихъ никто не слышитъ: затворивъ двери съ осторожностiю, сѣлъ съ тайности подверженымъ видомъ подлѣ гжи. Менневаль; потомъ началъ онъ рѣчь, къ которой казалось, что приготовлялся: Я надѣюсь, сударыня, что вы не сомнѣваетесь о моей къ вамъ преданности, и я какъ кажется довольно доказалъ, что о пользѣ вашей столько же старался какъ и о своей; и можетъ быть естьлибъ обстоятельства потребовали, пожертвовалъ бы вамъ и тѣмъ, что мнѣ и больше принадлежитъ. Вы знаете что меня въ свѣтѣ удостоиваютъ быть разумнымъ человѣкомъ;

 всѣ

всѣ согласны, что я въ состоянiи давать хорошiя совѣты, и приводить въ порядокъ важнѣйшiя и труднѣйшiя дѣла. Я вижу съ удовольствiемъ, сударыня, что Базиль въ васъ произвелъ склонность, которая безъ сомнѣнiя еще увеличиться: онъ мнѣ кажется нуженъ вашему сердцу: онъ приводитъ вамъ на память вашего сына, но онъ къ вамъ еще больше почувствуетъ склонности естьли я вамъ предложу мое намѣренiе . . . . . отъ того зависитъ ваша участь.

При сихъ словахъ Реми остановился и смотрѣлъ на Маркизу, слушающую его со вниманiемъ, которая была весьма примѣтна, потомъ онъ началъ говорить, но такимъ голосомъ, которой изображалъ чрезвычайную тайность: такъ, сударыня, я говорю объ васъ. Вы не можете противорѣчить, что щастiе есть жизнь, что безъ богатства оная скучна, и которой долговременность есть ничто иное, какъ мученiе. Я испыталъ, что называютъ добродѣтель и пороки я видалъ, что щастiю все прощали, а что нещастiе

щастїе имѣло видъ наказанїя достойной; что безъ щастїя красота, природныя дарованїя, разумъ и великость души были не нужны, а иногда и началами нашихъ печалей. Вы, сударыня, можете быть примѣромъ, вы соединяете въ себѣ всѣ прїятности, и достоинства ваши равняются вашей знатности . . . . . Государь мой, прервала рѣчь его гжа. Менневаль, оставте мои прїятности, и продолжайте вашъ разговоръ. Смерть вашего сына излила всю свою ярость на васъ, она причиняетъ вамъ чрезвычайную печаль, отнимаетъ у васъ знатное богатство и перемѣняетъ ваше состоянїе (извините сударыня мое изъясненїе) въ такое, которое не весьма далеко отъ бѣдности. Я это знаю, государь мой. Но я оплакиваю не богатство, но сына, котораго я столько любила, и которой мнѣ не возвращенъ. Базиль, сударыня, облегчитъ сїю печаль, онъ вамъ еще полезнѣе будетъ. Отъ васъ зависитъ, удержать ваше прежнее состоянїе и богатство, и не дать разтощить оное скупымъ родственникамъ

ственникамъ господина Менневала, которые его не достойны: опасайтесь ихъ злаго намѣренія, ихъ зависти и безчисленныхъ тяжебъ, отъ которыхъ вы можетъ быть будете жертвою... Небо вамъ посылаетъ сего бѣднаго человѣка.... Я довольно сказалъ... Государь мой..... Государь мой.... Изъяснитесь..... Это все мнѣ загадкою кажется.... Вамъ, сударыня легко отгадать! я думалъ, что я говорю довольно ясно. (*Реми говоритъ тихо*) Вашъ сынъ съ младенчества былъ воспитанъ въ уединенномъ мѣстѣ, объ немъ знали только я, старой Шамбери и ваша горнишная, которая вамъ предана... Такъ чтоже! государь мой.... Не почтетели вы за трудъ.... Опредѣлить на его мѣсто.... Маркиза встала съ негодованіемъ: Не окончивайте, государь мой; что вы говорить хотите? что вы мнѣ предлагаете? такъ это то ваше предложеніе? мое безчестіе, мерзская хитрость, злодѣйство... Сдѣлайте милость, сударыня, успокойтесь.... Вы меня не поняли, сдѣлайте милость,

сядьте

сядьте, сударыня; возмите терпѣніе, послушайте немного, я васъ заклинаю. Вспомните, что самое чистѣйшее безкорыстіе оживляетъ меня вамъ подать совѣтъ. Вы властны принять мои предложенія, или отвергнуть; я предлагаю мои мнѣнія для того, чтобъ ихъ подвергнуть вашимъ, я буду дѣлать то, что вы прикажите. Позвольте, сударыня, спроситъ, что вы называете злодѣйствомъ? злодѣйство есть жить въ нещастіи. Я говорю не Романически, какъ обыкновенно большая часть людей, у которыхъ на языкѣ всегда ложъ; я вамъ предлагаю испытанную и справедливую картину. Ничего нѣтъ ужаснѣе, и мерзостнѣе какъ нещастіе. Я принужденъ вамъ сказать другой разъ: всѣ тѣ преимущества которыя на васъ природа истощила, естьли вы будете лишены богатства, послужатъ вамъ больше къ погибели: вы весьма чувствительны: всякую минуту будете вы чувствовать смертельную муку, которые къ самому себѣ производятъ омерзѣніе. Сравненіе теперишняго вашего

шего состоянія съ прошедшимъ тѣмъ будетъ вамъ чувствительнѣе, чемъ больше подвергните вы себя презрѣнію; этаго я не долженъ отъ васъ скрывать: вамъ будутъ говорить противное, но васъ будутъ обманывать: презрѣніе соединено съ нещастіемъ; это смертоносная стрѣла, которая его преслѣдуетъ, которая его раздираетъ и отъ котораго его никто не можетъ спасти. Наконецъ, сударыня, кто будетъ чувствовать при грабительствѣ того богатства, которое бы господинъ Менневаль конечно вамъ оставилъ; естьлибы предвидѣлъ свой скоропостижной конецъ. Сродственники, которыхъ онъ мало и зналъ, собирая несчетныя богатства, которыхъ они не достойны, поведеніемъ своимъ затмятъ память вашего супруга. И такъ пользуясь щастіемъ, которое больше вамъ принадлежитъ, нѣжели тому роду разбойниковъ, которые во зло употребляютъ законы: будете вы конечно слѣдовать намѣреніямъ вашего супруга. Вы возвысите достоинство и добродѣтель; а Базиль оными наполненъ: вы сотво-

ряете

ряете другова сына, которой заступитъ мѣсто онаго, котораго вы оплакиваете, и которой къ вамъ будетъ имѣть искренность и нѣжность, вы будете благодѣтельницею общества, взявъ человѣка подъ свое покровительство, которой вашею помощію и моими совѣтами будетъ достойнымъ ей служить, и быть полезнымъ. Это больше, нежели обогатить цѣлую семью: этимъ вы изліете свои благодѣянія на весь родъ человѣческій: вы исправите злодѣйскія злоупотребленія, которыя природа не признаетъ; вы оныя представите свѣту. Сіи то сударыня, глубокомысленныя примѣчанія, которыхъ не знаютъ люди посредственнаго разума.... Я не могу опомниться отъ удивленія! вы, государь мой, котораго считала я столь добродѣтельнымъ, и котораго я избрала обучать моего сына!... Ахъ, государыня моя, это не отъ недостатка добродѣтели, сіи гнусныя намѣренія мудрый долженъ принимать, и отвергаетъ по обстоятельствамъ; онъ одѣвается по времени; а въ нравоученіи

все

все почти сходствуетъ съ нашимъ одѣянiемъ: польза, сударыня и покойная жизнь, суть наши предмѣты, и вся цѣль всѣхъ существъ. Естьли вы содѣлаете щастiе Базилю, тогда утвердите и свое, естьли вы будете имѣть столько богатства, котораго будетъ довольно слѣдовать вашимъ склонностямъ, то сколь много нещастныхъ будутъ пользоваться вашимъ вспоможенiемъ, но ежели будетъ въ такомъ состоянiи, которое можетъ почесться ниже посредственнаго, то вы имъ ничего кромѣ сожалѣнiя не въ состоянiи сдѣлать будете; а это чрезвычайная мука для чувствительной души! не первое ли ея радость и удовольствiе одолжать? Лишенну быть сего есть величайшее нещастiе. Я скажу еще больше: не все ли равно, какъ умножать пороки человѣческiя, или не отдалять способа отъ недостойныхъ къ обогащенiю, допускать ихъ быть спесивыми, жестокосердыми, не благодарными, скупыми... Но, государь мой какъ вы оправдаете мерзкую ложъ, воровство, которое я сдѣлаю въ разсужденiи

сужденіи наслѣдниковъ моего супруга? . . . подкрѣпляйте сколько хотите, вашими видимыми разсужденіями, которые никогда не могутъ быть справедливы, мнѣ не возможно притвориться: чтобъ я себя обругала безчестною и наказанія достойною подлостію? не надѣйтесь меня обольстить: я бы хотѣла имѣть вѣчно при себѣ Базиля, для уменьшенія моей печали, представляя себѣ, что я воспитываю своего сына. Я бы великое чувствовала удовольствіе дѣлать благодѣянія, и вспомоществовать тѣмъ, которыя преслѣдуемы нещастіемъ: но я намѣрена лучше видѣть себя погруженной въ сіе столь ужасное нещастіе, нежели возвыситься дѣйствіемъ, о которомъ и помышленіе меня весьма ужасаетъ. Можетъ быть, сударыня, ужасаетъ васъ нескромность? я все порядочно учредилъ: слуги ваши никогда не осмѣлются отворить рта; я знаю какъ быть увѣрену о ихъ молчаливости . . . . Мы оную купимъ . . . Что вы говорите, государь мой? Вы имѣли дерзновеніе . . . . я внѣ себя.

Сей часъ пошлю Базиля къ его матери, и мы его больше никогда не увидимъ.

Подумаютъ, что послѣ столь строгаго отказа, Реми не будетъ употреблять новыхъ старанїй, но онъ не устыдился: онъ удвоилъ свои приступы: онъ зналъ, что полъ, который соединяетъ всѣ прїятности, старается удержать блескъ оныхъ, и видеть ихъ побѣждающихъ, и что самая разумнѣйшая женщина не можетъ быть выключена изъ числа желающихъ нравиться, онъ не переставалъ представлять Маркизѣ, что богатство есть одно средство къ содержанїю красоты, онъ употреблялъ къ тому весь свой хитрый разумъ; мы уже говорили, слабость уменьшила добродѣтель гжи. Менневаль. Наконецъ Реми ее побѣдилъ, и поймалъ въ сѣти. Онъ взялся привести въ дѣйство имъ выдуманные способы: уже увѣрились о молчаливости тѣхъ людей, которые были приглашены къ произвѣденїю сего тайнаго намѣренїя. И такъ согласились, почитать Базиля сыномъ гжи. Менневаль. Но казалось

что

что сїе произвѣсть было еще рано? Реми взялъ на себя шрудъ все къ сему прїуготовить, онъ увѣрялъ о слѣдствїяхъ, отдаляя страхъ, нерѣшимость и угрызенїи.

Они прибыли въ Парижъ. Базиль, которой представлялъ перьвое дѣйствующее лицо въ сей выдуманной комедїи, былъ отвезенъ въ особливой домъ, построенный на концѣ предмѣстїя. Онъ тогда не казался никому, кромѣ Маркизы, его учителя, и стараго слуги Камбери.

Реми вездѣ разсказывалъ о прїѣздѣ госпожи Менневалы; также не позабылъ присовокуплять, что Маркиза привезла своего сына, и что оспа, которую онъ съ трудомъ перенесъ, принуждала его нѣсколько мѣсяцовъ не показываться свѣту.

Честь Маркизы безпрестанно возмущалась, и безпрестанно она была побѣждаема смѣлымъ дворецкимъ, которой ее обуздалъ: естьли съ нею говорили о ея сынѣ, то не могла она скрыть своего смятенїя, хитрой Реми, которой ее ни на минуту не оставлялъ

ялъ, подбѣгалъ и ея успокоивалъ: онъ подкрепляль ее въ разговорахъ, и разсказывалъ Романически о молодомъ Маркизѣ. Его единственно трогала причина побуждающая на подобной поступокъ: бывъ властелиномъ столь важной тайны, могъ бы онъ легко ее принудить къ бракосочетанію, которое у него было въ мысляхъ, естьлибъ онъ и не могъ ей понравиться. Вотъ къ какому предмѣту клонились всѣ его намѣренія, но онъ умѣлъ все сіе скрывать и не быть подозрительнымъ. Особливо имѣлъ онъ сіи свойства, нужнѣйшія тому, которой имѣетъ желанія сдѣлать себя щастливымъ, ими то вкрадываются въ милость и подкрѣпляютъ ее. А особливо естьли хочешъ обладать пріятнымъ и обворожающимъ поломъ, которой летитъ подъ иго: то должно льстить его вкусъ, обожать его упрямство, и умѣть довести его до того, чтобы совершенно имѣли нужду въ нашей помощи. Скажутъ, что добродѣтель неизвергнетъ всѣ сіи искувства. Но сіе то самое и показываетъ многіе пути порокамъ

камъ, и доставляетъ щастіе. Правда, что это не то щастіе, которымъ наслаждается добродѣтелной человѣкъ, ни богатство, ни слава не отвлекутъ его отъ истиннаго пути; ибо онъ ищетъ спокойствія души. Вкусилъ ли Кромвель, обладатель всего свѣта, живши восемдесятъ лѣтъ, хотя единую минуту жизни Фенелоновой или Катинатовой?

Реми весьма былъ достоинъ сожалѣнія, потому что онъ богатство предпочитаетъ добродѣтели. Ему ничего больше не осталось, какъ продолжать то предпріятіе, которое по его мнѣнію было весьма хорошо начато. Съ начала напали на молодаго крестьянина съ самой слабой стороны: возбудили въ немъ честолюбіе; вперили въ него глупое самолюбіе, смѣшную гордость, и ни къ чему годный вкусъ къ щегольству. Принесли къ нему множество хорошихъ кафтановъ на выборъ: Реми и каммердинеръ обучали его всемъ симъ маловажнымъ бездѣлицамъ, которые называются свѣтскимъ упражненіемъ, природа была бла-

госклонна къ Базилю: не долго надъ нимъ старались, чтобъ включить его въ число свѣтскихъ прелѣстниковъ. Не взирая на искуство обвороженїя, въ которое его погружали, не позабывалъ онъ склонности къ своей матери: онъ ей часто писалъ, посылалъ деньги, которые ему давала гжа. Менневаль.

Но сїе состоянїе, которое казалось гораздо преимущественнѣе перьваго, причиняло ему безпокойство; онъ вотще старался узнать оному причину, которое разпространяла около его недовѣрчивость и тайность, онъ не часто хаживалъ по Парижу, гульбища были ему запрещены. Реми цѣлыя дни препровождалъ съ нимъ въ чтенїи и разговорахъ. Маркиза подходя къ нему, показывала свое спокойствїе, соединенное съ печалїю: всегда говорила съ принужденнымъ движенїемъ: не сынъ ли мой это, она его пристально разсматривала: глаза ея покрывались слезами, иногда отталкивала она его съ неудовольствїемъ; непонятное безпокойство видно было во всѣхъ ея дѣйствїяхъ. Базиль пока-

зывалъ

зывалъ ей о томъ свою печаль: по матери была гжа. Менневалъ первая которую онъ больше всего любилъ: однако не скрывалъ, что одной Николины не доставало къ его щастїю. Ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о той радости, которую онъ чувствовать будетъ, бросясь въ ея объятїя, и осыпая ее благодѣянїями Маркизы.

Начальникъ сего умысла весьма сумнѣвался, будетъ ли онъ въ состоянїи довести до того своего ученика, куда онъ желаетъ. Онъ предвидѣлъ, что сей молодой человѣкъ не приметъ сего мнѣнїя, которое въ него вперитъ старались, и словомъ, что мать его будетъ его намѣренїю не поколебимымъ препятствїемъ. Что же онъ дѣлалъ? Реми примѣтилъ, что Базиль внутренно питалъ нѣжность, которая могла вспыхнуть отъ малѣйшаго предмѣта. Базиль былъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ малая искра можетъ возжечь любовь. Хитрой надзиратель показалъ ему нѣкогда въ саду близь Парижа обворажающїй предмѣтъ, которому бы всякое другое, а не только

молодое и не испытанное сердце противиться не въ состоянiи было. Въ самомъ дѣлѣ дѣвица Амервиль, (*такъ называлась сiя молодая красавица*) соединяла въ себѣ прiятности; тонкой станъ, волосы обворажающаго цвѣта, лобъ, на которомъ изображались достоинство и добродѣтель, глаза соединяли въ себѣ ея слабость, живость, кротость, огонь душевный и прелѣстную нѣжность, ротъ, на которомъ царствовало изображенiе роскоши, и коральные губы, изъ которыхъ испущенная стрѣла несла рѣшительной ударъ.

Реми читалъ все въ глазахъ своего ученика. Онъ тотчасъ увидѣлъ любовь, которую одно присудствiе Д. Аммервиль въ немъ произвело: съ сей минуты онъ почиталъ свою побѣду совершенною. Базиль не могъ довольно насытиться сей минутой, Базиль хотѣлъ съ нимъ говорить, но заикался, Реми ему совѣтовалъ взойти въ садъ. Онъ ободрялъ себя своею страстiю, тамъ нашелъ онъ въ Д. Аммервалѣ новые прiятности, новыя обвороженiя, которые

которые ему были весьма чувствительны. Голосъ ея былъ весьма ласкателенъ, ея учтивость была весьма пріятна и прелѣстна; множество удовольствій излились въ душу Базиля; онъ былъ отъ любви внѣ себя: Реми выводитъ его изъ сего опаснаго положенія. Базиль вдругъ потерялъ начальника перемѣны своихъ чувствъ: но онъ имѣлъ при себѣ ту стрѣлу, которая его пронзила, нѣсколько словъ произнесенныя сею прекрасною дѣвицею были вкоренены въ его сердцѣ: они оставили въ немъ впечатлѣнія, которыя Реми умножать стараться будетъ.

Реми оставилъ его въ такой задумчивости, которая есть знакъ совершенной страсти, онъ побѣжалъ къ госпожѣ Менневаль. Государыня моя, мы побѣдили: теперь Базиль нашъ ни ваши благодѣянія, ни мое стараніе, ни тщеславіе, ничто не могло его побѣдить, оному препятствовало желаніе возвратиться въ прежнюю его хижину, и опять видѣть свою мать, теперь не разорветъ онъ наши узы,

я узналъ что дѣвица Аммервиль была въ деревнѣ: я нынѣ возилъ туда Базиля: щастливой случай привелъ ее одну въ садъ; Базиль ее только лишъ увидѣлъ, то и сталъ обожать. Я притворился будто не примѣчаю его движенiй. Я пользовался тѣмъ временемъ, когда дѣвица Аммервиль была одна; мы взошли въ садъ; она сказала нѣсколько словъ Базилю, которые совершенно его плѣнили. Я его привезъ домой въ задумчивости, съ новыми чувствами, которыя его тревожили. Дѣло сдѣлано! мы имъ будемъ повелѣвать по нашей волѣ: я изъ него сдѣлаю нынче все то, что вамъ будетъ угодно. Прошу только васъ не сопротивляться тѣмъ намѣренiемъ, которыя я выдумалъ; я вамъ повторяю, что беру окончанiе на себя, ваше щастiе укрѣплено сударыня, и вы сыскали опять вашего сына.

Слабая гжа. Менневаль, которой нечувствительность неосмѣливалась противиться силы Реми, предалась совершенно его знанiю, которое было достойно наказанiя, и дала волю себя

запутать

запутать въ такой умыселъ, которой трогаетъ честь и добродѣтель.

Что думалъ Базиль, вдавшись въ задумчивость, никогда онъ не чувствовалъ такихъ движенiй; это былъ не примѣтной огонь, которой бѣгалъ по его жиламъ и всякую минуту умножался. Онъ былъ наполненъ нѣжностiю къ своей матери: думалъ, что не возможно больше любить, какъ ее любитъ: но какая разность между тою любовiю съ тѣми чувствованiями, которыя въ немъ произвела Д. Амервиль! осмѣлится ли онъ ее опять видѣть, съ ней говоритъ? пристойно ли ему любить дѣвицу такого состоянiя. Пусть, естлибъ онъ былъ ей ровенъ, то бы онъ могъ надѣяться быть ея супругомъ. Какъ велики не были благодѣянiя Маркизы, но никогда не будутъ равняться съ Д. Аммервиль: она наполнена прiятностями, но онъ противъ ея столько низокъ, что не можетъ ей открыть свое сердце! онъ все то чувствуетъ, что она въ него вливаетъ, но никогда не будетъ столько имѣть силъ, чтобъ изобразить ей

сколько ее любитъ. Я, говоритъ онъ, упаду предъ ней, какъ предъ божесmвомъ на колѣни, стану ей съ великимъ жаромъ твердить, сколь она прекрасна, и сколь я ее обожаю! надобно ли имѣть разумъ, когда хочешъ говорить, что любишъ, естьли это говоришъ искренно, и столь живо, сколько чувствуешъ? О! обоженія достойная дѣвица! все то, что она мнѣ ни говорила, сильно вкоренилось въ мое сердцѣ! что тогда моя душа чувствовала! . . . . Я въ своей деревнѣ ничего сходственнаго ей не видалъ; должно признаться, что Парижскія женщины преимущественнѣе . . . . Я не буду ее опять видѣть! ахъ я отъ того умру! я умру! мнѣ надобно поговорить съ г. Реми, и сдѣлать его участникомъ въ томъ, что я чувствую; такъ жить мучительно, но я не желаю, чтобъ кто меня отъ того избавилъ. Слезы меня обременяютъ, но когда ихъ проливаю, то чувствую такое внутреннее удовольствіе, которое я ни на какія въ свѣтѣ веселости не промѣняю, какъ мнѣ мое мученіе пріятно! я бы желалъ

всегда быть уединенъ, и только бы думать о сей божественной дѣвицѣ. . . . . Ахъ любезная матушка! . . . . на что я тебя оставилъ? . . . . . Я остаюсь въ Парижѣ, меня удерживаютъ, я прикованъ: Нѣтъ, я никогда не буду имѣть силъ возвратиться въ свою дѣревню.

Реми увеселялся щасливымъ началомъ своихъ предпріятій: онъ возвратился къ Базилю, но остерегался такъ скоро его спроситѣ о сей задумчивости, которой причину онъ предвидѣлъ. Любезный Базиль утѣшся, предайся веселостямъ . . . И надѣждѣ, другъ мой . . . Я ужъ тебѣ говорилъ: тебѣ готовится чрезвычайное щастіе. Государь мой . . . Сія знатная дѣвица . . . Продолжай! сія знатная дѣвица . . . весьма любви достойна. Государь мой, это справедливо, она наипрекраснѣйшая дѣвица во всемъ Парижѣ, дѣвица знатная, которой достанется богатое имѣніе . . . Признайтесь, г. Маркизъ . . . Г. Маркизъ! государь мой, давно ли мнѣ дали сіе имя? конечно вы надо мной шутите?

Это

Это не шутка, любезной Базиль, отъ тебя зависитъ быть на всегда Маркизомъ: но ты столько простъ, столь влюбленъ въ твою деревню, и въ твою старую Николину . . . Мою мать, государь мой! я ее больше люблю нежели когда, и я ие могу привыкнуть, къ сей разлукѣ: я право думаю, что она теперь очень печальна . . . Ужли я ее никогда опять не увижу? О комъ ты говоришъ? о той знатной дѣвицѣ, которую вы госпожею Аммервиль называете . . . . Г. Реми, естьли бы мы пошли въ эту сторону . . . то мы бъ ее опять увидѣли. Я на это согласенъ, но съ такимъ уговоромъ, чтобъ ты оставилъ сiю простоту, которая ничто иное есть, какъ крестьянская грубость . . . Я точно знаю, что крестьянинъ не будетъ по вкусу гжи. Аммервиль, говори что хочешъ, а я тебя буду всегда называть господиномъ Маркизомъ . . . А о причинѣ сей узнаешъ ты послѣ . . . Обѣщай мнѣ, что будешъ слѣпо повиноваться моей волѣ . . . И такъ я ее опять увижу, г. Реми? Когда будешъ послушенъ.

О во всемъ, во всемъ что вамъ угодно.

Двѣ сильнѣйшія непріятельницы напали на бѣднаго Базиля, любовь и тщеславіе.

Реми, которой искусно началъ свое дѣло, имѣлъ точное извѣстіе о всѣхъ поведеніяхъ дѣвицы Аммервиль: онъ узналъ, что она приглашена была на одну деревенскую свадьбу. Онъ о томъ увѣдомилъ Базиля, сказавъ ему притомъ; вспомните, что я буду говорить не съ Базилемъ, но съ господиномъ Маркизомъ Менневаль . . . (*Базиль, которой отъ того изумясь, хотѣлъ прервать его рѣчь*) не вы ли мнѣ дали ваше слово, что будете мнѣ послушны? вѣрьте, что я буду стараться о вашей пользѣ: я васъ поведу въ самую ту деревню, гдѣ гжа. Аммервиль имѣетъ домъ; она будетъ на свадьбѣ; я васъ въ оной сдѣлаю участникомъ; она тамъ будетъ съ своимъ дядею, и двумя сродственниками; и естьли вы хотите ее видѣть и съ нею говорить: то необходимо нужно, чтобъ васъ называть Маркизомъ Менневаль. Но государь мой . . . Здѣсь о смерти

молодаго

молодаго Маркиза никто не знаетъ. Безъ сего кто бы подумалъ, что Маркиза васъ знаетъ, и васъ покровительствуетъ? и . . . . Дѣвица Аммервиль вамъ дорога, не правда ли? и такъ я ее увижу г. Реми . . . . пойдемте: я вамъ предаюсь совершенно.

Базиль далъ себя совершенно побѣдить сему хитрецу: онъ съ удовольствїемъ глѣдѣлъ на свое прекрасное платьѣ. удивлялся самъ себѣ глядя въ льстящее зеркало, которое въ одно мгновенїе ока представило ему всѣ прїятности его стана. Гжа. Менневаль взошла; Реми началъ говорить: гжа Маркиза, вы видите своего любезнаго сына, это точно онъ, это все его черты, сказала Маркиза. Реми продолжалъ, оборотясь къ Базилю: подите, сударь, поцелуйте у матушки своей ручки! Признайтесь, сударыня, что онъ въ сей одѣждѣ прїятенъ: нынѣче только о свадьбѣ думаемъ, мы тамъ увидимъ перьвую Парижскую красавицу, госпожу Аммервиль. Я ее фамилїю очень коротко знаю, и это зависить будетъ отъ моего сына ее у

меня

меня часто видѣть. Она къ вамъ ѣздитъ милостивая государыня? вскричалъ Базиль.

Госпожа Менневаль сдѣлала короткое описанїе, которое льстило Базиля. Прощайтесь съ матушкой, сказалъ Реми; гжа. Маркиза заслужила отъ васъ сїе имя; гдѣ можно великодушнѣе найти сей благодѣтельницы? Базиль слушалъ, но не видалъ предъ собой ничего кромѣ дѣвица Аммервиль; онъ горѣлъ желанїемъ быть при ней. Они поѣхали: Реми напоминалъ ему свои уроки.

Добрая Николина, не воображала себѣ, чтобы Базиль былъ Маркизомъ. Она получала отъ него письма, подарки и деньги, которые умножали къ нему ее нѣжность: они были ей нужны; но она безпрестанно говаривала: всего свѣта сокровища меньше бы мнѣ причинили удовольствїе, нежели объятїя моего сына: сколько я ни стараюсь себя побѣдить, но не возможно мнѣ жить его невидя, что ему дѣлать въ городѣ? не у всякаго ли изъ насъ по двѣ руки? развѣ прекрасное платье и

хорошая пища дѣлаетъ щастливыми? О! я бы желала имѣть свой черной хлѣбъ, не имѣть богатаго платье, но толькобъ могла съ удовольствiемъ Базиля видѣть и обнимать! я бы тѣмъ гораздо была довольнѣе, что можетъ быть любезнѣе дѣтей?

Базиль прiѣхалъ на свадьбу: онъ примѣчалъ всѣ свои поступки, а за это долженъ онъ былъ благодарить природѣ, и старанiямъ своего учителя; онъ въ обществѣ былъ любви достойнымъ кавалеромъ, дѣвица Аммервиль была не послѣдняя, которая почувствовала прiятности сего прелестнаго предмѣта. Реми представилъ своего ученика, такъ какъ Маркиза Менневала: дядя той дѣвицы осыпалъ его учтивостями, а племянница принимали участiе въ тѣхъ чувствiяхъ, которыя она въ немъ произвела.

Сiе второе свиданiе воспалило совершенно Базиля: онъ былъ чрезвычайно влюбленъ. Неиспытаннымъ и не испорченнымъ сердцамъ надлежитъ быть тронутымъ любовiю. Любовной жаръ пожиралъ Базиля. Тогда думалъ

онъ

онъ, что уже пора ему открыться: И такъ, любезный Базиль, ты влюбленъ! я! я влюбленъ, государь мой? . . . Но прилично ли мнѣ любить? . . . . къ великой моей горести узналъ я, сколь мучительно быть рожденну крестьяниномъ; ахъ естьлибы я былъ ровнаго состоянія съ дѣвицею Аммервиль, то бы признался вамъ, что осмѣливаюсь имѣть нѣкоторыя чувства . . . . Вы сдѣлаете мою жизнь нещастною; тотчасъ полились изъ глазъ у Базиля слезы. И такъ я не обманываюсь, другъ мой! ты смертельно влюбленъ: но . . . . это зависитъ отъ тебя быть за твою любовь награжденнымъ. Что вы говорите, государь мой? Я говорю, что ты можешъ быть ея супругомъ . . . Послушай меня, время тебѣ увидѣть твое щастіе, о которомъ тебѣ объявить позволено, во всемъ своемъ блескѣ; ты, я думаю помнишъ, что гжа. Менневаль тебѣ говорила, что будетъ старатся свесть знакомство съ дѣвицей Аммервиль, и васъ соединить; я несомнѣваюсь, что ты понравишся . . .

Я могу быть любимъ, государь мой? . . . . Ахъ естьлибъ когда нибудь! . . . . Нѣтъ щастія . . . Постой, ты разумѣешъ что будучи Базилемъ не тронешъ ты дѣвицу знатнаго состоянія: но человѣкомъ знатнымъ, богатымъ, которой одаренъ благородствомъ и щастіемъ . . . . Я все сіе предупредилъ. Ты былъ на свадьбѣ маркизомъ Менневалемъ, Базиль, ты имъ всегда долженъ быть, и это зависитъ отъ тебя. Удвой свое примѣчаніе. Когда тебя гжа. Маркиза въ первый разъ увидѣла, то была она тронута удивительнымъ сходствомъ съ ея любезнымъ сыномъ. Сей молодой человѣкъ умеръ почти въ твои лѣта, но какъ онъ съ своего младенчества воспитанъ былъ въ такомъ мѣстѣ, которое весьма отдалено отъ Парижа, то его никто изъ родственниковъ и незналъ: и такъ весьма легко поставить тебя на его мѣсто; и тѣмъ пріобрѣтешъ ты знатность, богатство, и то что ты любишъ, то есть дѣвицу Аммервиль. Тебѣ не должно опасаться, чтобы таинство твоего рожденія вы-

шло

шло наружу: къ тому взяты будутъ всѣ мѣры: будутъ молчать. Но государь мой, я не могу скрыть отъ себя, что я сдѣлаюсь сообщникомъ столь безстыдной лжи! честь. . . . Другъ мой, положись на Меня: это такія обстоятельства, что надобно по нуждѣ жертвовать . . . . . Честь столь постоянная . . . Есть выключенія, любезный Базиль. . . Твое щастіе . . . Твоя любовь зависитъ отъ сего подлаго . . . которой въ основаніи есть самое невинное дѣйствіе. Ты ни кому зла не дѣлаешъ, какъ только сродственникамъ г. Менневала, (*но сіе есть малѣйшее зло*) которые весьма дальняго поколѣнія, они весьма богати, а ты ничего не имѣешъ, не правда ли, того требуетъ разумъ, чтобъ наша польза ровна была чужой; пользуйся случаемъ; они рѣдки и дороги: думай о своемъ благодѣнствіи. Хотя ты имѣешъ и слабой разумъ, но я тебѣ говорилъ то, что всякому извѣстно. Словомъ, я тебѣ буду всегда сіе говорить, дѣвица Аммервиль . . . За такуюту цѣну можешъ ты ее видѣть, ей понравиться

 и быть

и быть ей супругомъ. Я ей буду супругъ? возможно ли? . . . . И такъ я долженъ лгать, называться тѣмъ, что не я, и пользоваться тѣмъ имѣнїемъ, которое мнѣ ни коимъ образомъ не принадлѣжитъ! . . . . Но надобно еще обѣщанїе . . . Но это ничего не значитъ: она состоитъ въ томъ, что твою благодѣтельницу почитать за мать. Въ самомъ дѣлѣ, государь мой . . Такъ какъ родную мать, такъ ея и называть, и казаться такъ, будто ты свою деревенскую мать и позабылъ. Государь мой . . развѣ тебѣ Николина не дѣлаетъ стыда? . . Мнѣ позабыть ту, которая меня произвела на свѣтъ, которая меня воспитала, и которая меня столько любитъ! я ее долженъ стыдиться! Ахъ, государь мой, вы раздираете мое сердце! Ахъ, могу ли я то сдѣлать, что вы требуете, хотя бы я и хотѣлъ? . . . Природа, государь мой . . . Это называется изъясниться и думать, такъ какъ человѣкъ подлой! другъ мой, природа . . . природа есть, доставитъ себѣ знатность, увеселенїе, преимущество и

жизнь

жизнь, а вы . . . . Вы развѣ живете ?. . Ты плачешь! ты не любишь . .. Я чрезвычайно люблю дѣвица Аммервиль; я чувствую, что все мое щастіе состоитъ въ томъ, чтобъ ея видѣть, что единой ея взоръ приведетъ меня въ восторгъ, что надѣжда ее получитъ . . . . Сего бы довольно для меня было! но чтобъ моя мать, столь нѣжная, столь благодѣтельная мать, не была мнѣ матерью . . . Слабой человѣкъ, что сдѣлаетъ слово; потому, что къ сему надобно одно слово: названіе сына: никто не станетъ тебѣ препятствовать, помогать бѣдной Николинѣ. Ахъ, государь мой, она не предпочтетъ никакія богатства тому имяни, которое бы у нее отняли? я ее знаю, она согласится лучше быть самою бѣднѣйшею. Мнѣ кажется будто я ее вижу и слышу, что она мнѣ говоритъ: Базиль, не сынъ ли ты мой? не я ли тебя вскормила въ своихъ объятіяхъ? . . . Государь мой, я сего и не помышляю, нѣтъ мое сердце . . . Другое изъясненіе! природа, сердце! это происходитъ отъ того, что въ

тебѣ мало разума, и что ты имѣлъ худое воспитанïе. Ахъ, государь мой, развѣ хорошее воспитанïе запрещаетъ любить того, отъ котораго мы получали жизнь и столько благодѣянïй? я такого воспитанïя не желаю, я того не желаю. Оставьте вашъ разумъ и немѣшайте мнѣ любить того, кто больше всѣхъ достоинъ моей нѣжности . . . . только одна дѣвицы Аммервилъ можетъ съ оною равняться. И такъ ты не согласишъся . . . Никогда, государь мой, я на то не соглашусъ, что вы мнѣ предлагаете. Ну, такъ тебя отошлютъ опять къ твоей Николинѣ, а дѣви . . . . . Ахъ, Боже! государь мой, лишите меня жизни? за чемъ вы меня взяли изъ нещастной деревни? . . я тамъ былъ веселъ, покоенъ, я не зналъ . . . . Я любилъ только свою мать . . . . Какъ, гжа. Маркиза . . . Ея благодѣянïя жестоки . . . . Я падаю къ вашимъ ногамъ, государь мой . . . . не принуждайте меня къ жертвѣ, которую я сдѣлать не въ состоянïи.

Базиль обнималъ колѣна Реми.

Утѣшься, другъ мой . . . можно сыскать другое средство . . . ты для меня дорогъ: не сумнѣвайся о томъ, я просилъ гжу. Менневаль, тебя вывесть изъ бѣдности, и привесть въ такое состоянїе, котораго выгоды ты скоро узнаеш. Согласись только нѣсколько времени называться Маркизомъ, а Маркизу называть твою матерью. . . Я очень мало отъ тебя требую времяни: а послѣ мы о утвержденїя твоего щастїя станемъ стараться искать другихъ способовъ, посредствомъ сего малаго обмана, будешъ ты имѣть входъ въ домъ нашей госпожи и во всѣ общества: ты будешъ имѣть удовольствїе видѣть госпожу Аммервиль у Маркизы, мы будемъ стараться сдѣлать союзъ, словомъ, мы доведемъ до того, что васъ соединимъ бракомъ. Я ласкаю себя что ты посредствомъ моихъ уроковъ, и твоего знанїя, достигнешъ до того, что перестанешъ имѣть тѣ смѣшныя чувствїя, которыя принадлѣжатъ крестьянину: подумай, что ты теперь не такой человѣкъ, которой не имѣетъ никакого

 различїя

различїя отъ своего скота. Ты теперь Маркизъ Менневаль, и любовникъ, дѣвицы Аммервиль. Прощай теперь покуда, а я скоро возвращусь, и поведу тебя къ гжѣ. Маркизѣ, тамъ тебя ожидаетъ многочисленное собранїе. И такъ представляй ту знатную особу, которую представлять ты долженъ.

Базиль угнетенный печалїю, сѣлъ и былъ въ великой задумчивости. Тысяча разныхъ воображенїи тревожили его сердце. Онъ не имѣлъ нужды себя вопрошать, и увѣрять, что онъ дѣлаетъ весьма наказанїя достойное дѣло. Его сердце, которой Реми не могъ побѣдить, востало, попрекало ему и проклинало тотъ гнусной обманъ, которымъ онъ хотѣлъ себя обезчестить, оно ему представляло, что обманываетъ натуру, что онъ ее безчестилъ и тогда, хотя бы онъ одинъ день сдѣлался столь мерзскимъ человѣкомъ. Ему представлялась Николина, когда онъ будетъ называть Маркизу своею матерью, показывающую ему свою слѣзами омоченную грудь; и которая ему говоритъ: Ахъ

нещастной

нещастной! можешъ ли ты заперетъся, что ты мнѣ не сынъ? по сихъ ужасныхъ воображенiи представлялось ему прекрасное изображенiе дѣвицы Аммервиль, которое его обнадѣживало оною владѣть. Самъ Реми далъ ему на то слово. Базиль не предвидѣлъ того, что его опредѣленная роль, и порочная вѣжливость, ему были не нужны, и что ни какимъ инымъ образомъ достичь щастiе и знатность не можетъ, какъ подъ сей маской; и сдѣлаться наконецъ супругомъ той дѣвицы, которую онъ обожалъ. Базиль любилъ; чемъ чаще видалъ онъ дѣвицу Аммервиль, тѣмъ страстнѣе становился онъ къ ней, страсть его дошла до того степени, которой Реми ожидалъ, тогда повелевалъ онъ имъ по своей волѣ, онъ его оживлялъ всѣми тѣми мнѣнiями, которые въ немъ хотѣлъ только умножить, словомъ сказать дѣлалъ изъ него орудiе, которое онъ употреблялъ по своему произволенiю. Жизнь Реми состояла въ свадьбѣ Базиля.

Реми возвратился, подойдите г. Маркизъ слѣдуйте за мной, или мнѣ

прилично

прилично за вами слѣдовать: позабудьте сына Николины: теперь вы г. Менневаль: пойдемте къ вашей Матушкѣ, дѣвица Аммервиль тамъ будетъ. (*Базиль трепещетъ и падаетъ почти въ обморокъ*) Очень хорошо, сей безпорядокъ идетъ для человѣка, которой былъ весьма боленъ: вспомните, что ваша участь зависитъ отъ сего перьваго свиданія. Взоры всѣхъ васъ ожидаютъ и будутъ на васъ устремлены: собраніе многочисленно; вспомните, что вы давно не имѣли удовольствіе видѣть вашу матушку. Примите твердой голосъ, а когда у васъ не будетъ доставать смѣлости, то взглянитe на меня, я къ вамъ приду на помощъ.

Базиль явился: Маркиза представила его собранію, которое не переставало его осыпать похвалами и возвышать его пріятности. На немъ не примѣтны знаки оспы: но она его гораздо сдѣлала прекраснѣе. Онъ наидостойнѣйшій любви изо всѣхъ дворянъ. Боже мой! государыня, какое щастіе имѣть такого сына! какія прелести!

какое

какое совершенство, господинъ Маркизъ, вы весьма опасной кавалеръ (*онъ произноситъ нѣсколько словъ*) какой разумъ, сударыня! онъ можетъ васъ утѣшить о потерѣ господина Менневала. Господинъ Маркизъ безъ страха можетъ ѣхать къ двору, не стыдитесь сударь, не стыдитесь. Не можно довольно завидовать щастїю гжи. Маркизы, вашей матушкѣ . . . Онъ совершенно похожъ на г. Менневаля своего батюшку; это весьма чудно! должно признатся, что одни придворные сей благородной способъ, и сїи прїятности имѣютъ, которыми скоро могутъ плѣнять: пусть сколько хотятъ говорятъ мудрецы, что натура различїя неимѣетъ: можетъ ли имѣть мещанинъ, или крестьяниnъ такую Физїогномїю, такой видъ, какой показываетъ благородной человѣкъ? для побѣжденїя сихъ сожалѣнїя достойныхъ писателей, должно имъ только показать г. Маркиза. Вотъ что дѣлаетъ природа.

Доложили о прїѣздѣ дѣвицы Амервиль: Базиль пришелъ отъ того въ безпорядокъ. Сїе замѣшательство сдѣ-

лало

лало его прекраснѣе. Сѣли играть. Двое молодыхъ любовниковъ разговаривала между собою: оба узнали о своихъ нѣжныхъ чувствованїяхъ: которые въ нихъ произвело перьвое свиданїе. Дѣвица Аммервиль почувствовала склонность къ Базилю. Базиль напротивъ того наполненъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ произвести любовь; оба сердца были уязвлены.

И такъ Базиль почитался господиномъ Маркизомъ, ему отвели богатую комнату въ домѣ гжи. Менневаль. Онъ былъ окруженъ слугами: множество учителей обучали его разнымъ знанїямъ: разнаго рода удовольствїя были для него приготовлены: однако между симъ шумомъ наукъ и удовольствїй, не взирая на жестокую любовь и лѣстную надѣжду, чувствовалъ онъ нѣкоторое роптанїе, которое ему напоминало о его деревнѣ, о добродѣтели, о природѣ, о чести, и о его матери. Бѣдная Николина прислала ему письмо слѣдующаго содержанїя.

,, Любезный сынъ, я не могу утѣшиться

,, шишься, сколько ни напоминаю себѣ,
,, что ты долженъ остаться въ Пари-
,, жѣ, для твоего щастія, я чувствую,
,, что мнѣ всего недостаетъ: я тебя
,, не увижу, я тебя не обнимаю. Я
,, иду въ полѣ, и думаю тебя уви-
,, дѣть въ нашемъ виноградномъ саду
,, работающаго: но тебя тамъ не нахо-
,, жу; сажусь подъ то дерево, кото-
,, рое тебѣ столько нравилось и на-
,, чинаю плакать, и такъ плачу, что
,, отъ того схожу почти съ ума; при-
,, шедши домой, воображаю я, что не
,, стану до тѣхъ поръ ложиться спать,
,, пока ты придешъ; я сама себѣ го-
,, ворю, подожду Базиля, а Базиль
,, нейдетъ. И такъ, любезной другъ,
,, я готова тебѣ прислать всѣ тѣ день-
,, ги, которые ты мнѣ далъ: я ни-
,, когда не была столь нещастна; я
,, соглашаюсь остаться въ прежнѣй
,, бѣдности, только бы могла видѣть
,, Базиля. Г. Викарій, который тебѣ
,, вмѣсто меня сіе письмо писалъ, не
,, перестаетъ мнѣ твердить, что я
,, слаба, и что наша разлука слу-
,, житъ къ твоему щастію. И такъ
будь

,, будь щасшливъ, естьли ты мо-
,, жешъ . . . Ты меня никогда не у-
,, видишъ; ибо я чувствую, что я
,, умру съ печали: она сильнѣе меня.
,, Отецъ твой тебѣ запрещалъ ѣздить
,, въ Парижъ. Оставайся тамъ, есть
,, ли это нужно для твоего щастія,
,, а я свое потеряла. Да, это будетъ
,, послѣднее письмо, которой ты по-
,, лучишъ отъ твоей бѣдной матери!
,, отсудствіе твое причинитъ мнѣ
,, смерть. Прощай, будь здоровъ, я
,, всегда прошу Бога: пещись о моемъ
,, любезномъ сынѣ, еще разъ прощай,
,, я тебя отъ всего сердца обнимаю.
,, Любящая тебя твоя мать
Николина.

Я непремѣнно хочу ее видѣть вскричалъ Базиль! я не могу больше сносить той мерзской роли, которую на меня наложили. Да, любезная мать, я тебя или сюды призову, или возвращусь самъ въ свою деревню, лечу въ твои объятія. Ахъ г. Реми, г. Реми, вы имѣете много разума! но однако не можете утушить сего гласу, которой во внутренности моего сердца

вопіетъ, и которой мнѣ напоминаетъ мою бѣдную мать, напрасно стараетесь вы меня успокоить, не возможно побѣдить природу: я рѣшился слѣдовать одному чувствію . . . Оно со мной родилось.

Тотчасъ побѣжалъ онъ къ Маркизѣ; она тогда находилась одна, бросился къ ея ногамъ, милостивая государыня, сказалъ онъ взрыдая, я тронутъ вашими благодѣяніями: я не могу довольно изъяснить своей благодарности: да, вы моя любезная покровительница, но, милостивая государыня . . . Вы мнѣ не мать, я васъ симъ именемъ долѣе называть не могу, по тому, что я тѣмъ онаго лишаю мою настоящую мать: всякой разъ какъ я называюсь вашимъ сыномъ, чувствую въ себѣ движеніе . . . и произношу ужасную ложъ. Господинъ Реми мнѣ обѣщалъ что я по прошествіи нѣкотораго времяни, буду опять называться Базилемъ; я Милостивая государыня, ни что иное, какъ нещастной крестьянинъ; я это помню, я знаю продолжалъ онъ, проливая слезы: до сихъ поръ былъ я

честенъ: но лишусь оной, когда еще буду принимать на себя тотъ видъ, которой мнѣ не приличенъ.

Гжа. Менневаль хотѣла успокоить Базиля, но она сама была столь печальна, и столь не укреплена въ сей выдумкѣ, что конечно бы согласилась на прозбу Базиля . . . Реми взошелъ и возпользовался тѣмъ случаемъ, которой бы могъ отнять у него его ученика. Базиль глядѣлъ на него въ слезахъ: онъ притворился, будто сего не примѣчаетъ. Государыня моя, сказалъ онъ госпожѣ Менневаль, я посѣщалъ родственниковъ дѣвицы Аммервиль; (*Базиль оказалъ любопытство слушать Реми*) мы долго разговаривали, я имѣю причину думать, что они весьма довольны будутъ съ вами соединиться, и что онѣ легко согласяться свершить свадьбу, которую г. Маркизъ, присоединилъ онъ, смотря на Базиля, ожидаетъ съ великимъ жаромъ . . . Я также примѣтилъ во всѣхъ разговорахъ дѣвицы Аммервиль, нѣкоторое замѣшательство . . . и я думаю, что она столь же любитъ, сколько любима.

Гжа.

Гжа. Аммервиль меня любитъ вскричалъ Базиль! открылъ свою душу соблазнителю, и предался чрезвычайной радости, отъ того, что могъ сдѣлаться супругомъ той, которую онъ обожалъ: чувствительность къ матери удалилась и сдѣлалась слаба, онъ согласился тамъ остаться, и называться сыномъ Маркизы; онъ на все согласился и ничего не видалъ, какъ только дѣвицу Аммервиль и съ ней его бракосочетанïе, однако просилъ чтобъ позволили его матери прïѣхать въ Парижъ. Реми, которой шелъ прямо по своему разположенïю, принялъ всѣ мѣры, чтобы прïѣздъ сей крестьянки не помѣшалъ его намѣренïю; но онъ разположилъ такъ, что не только она ему помѣшать не могла, но была бы ему еще полѣзна, съ разумною своею предосторожностïю предпринималъ онъ всю, распоряжалъ все, а Базиль, которой былъ весьма страстенъ, и обольщенъ надѣждою обнять Николину, обѣщалъ все исполнять, что онъ отъ него ни потребуетъ.

Изъ всѣхъ дѣйствïй, которые упо-

треблялъ хитрой надзиратель, почиталъ онъ за лутчее, сильнѣйшее и скорѣйшее, то, которымъ былъ его ученикъ воспаленъ: искуствомъ своимъ доставилъ онъ двумъ любовникамъ свиданїе: онѣ однѣ находились у гжи. Маркизы. Никогда не казалась гжа. Аммервиль Базилю столь прекрасною. Реми съ радостїю глядѣлъ на щасливое продолженїе его соблазна: и болѣе не сумнѣвался о своей побѣдѣ: онъ пришелъ въ самое то время, въ которое естьли можно сказать любовь спорила съ природою.

Николина, которая прїѣхала въ Парижъ, остановилась въ такомъ домѣ, которой ей назначилъ Реми, и въ которомъ сїя тайна не могла быть узнана. Гдѣ Базиль? (*сїе было первое слово которое сїя добрая женщина произнесла*) гдѣ мой сынъ (*съ ней говорила, но она не слушаетъ*) дайте мнѣ его обнять! ахъ я его не вижу, (*Реми велѣлъ ей принести платье*) на что мнѣ это? . . . . Я требую моего сына: гдѣ онъ? гдѣ онъ? Сударыня, сударыня, сказалъ ей надзиратель . . . Сударыня

ня, сударыня, меня не такъ зовутъ, мое имя Николина, къ вашимъ услугамъ, государь мой, что такое? развѣ я не могу видѣть Базиля? Тотчасъ. Но благопрїятность требуетъ, чтобъ ты надѣла платье, которое бы равнялось съ его состоянїемъ. . . . Любезная Николина, когда ты не хочешъ, чтобъ тебя называли сударыней, сядь . . . . Я имѣю тебѣ нѣчто сказать, сядь . . . О! почтенїе государь мой. . . Не отговаривайся; мнѣ надобно много съ тобою говорить. Сынъ твой, Николина, тебѣ весьма любезенъ, не такъ ли? Ахъ, государь мой, онъ у меня только одинъ сынъ, и я ничто такъ не люблю, какъ его. Естьли бы мнѣ всѣ сокровища давали, естьли бъ меня сдѣлали госпожею нашей деревни: то я бы согласилась лутче быть беднѣе теперешняго, просила бы милостину, только бы имѣть удовольствїе видѣть Базиля и его обнимать . . . онъ я думаю довольно поднялся! Сїе меня утѣшаетъ: онъ вамъ такъ же чрезвычайно преданъ . . . . Такъ ты его столь много любишъ, что бы ты для

 него

него согласилась пожертвовать своею жизнїю? не сумнѣвайтесь, государь мой! тотчасъ, естьли бъ я имѣла оныхъ тысячу, то бы отдала ихъ за него съ удовольствїемъ, естьли бъ только это нужно было! сдѣлать его щасливымъ. Добродѣтельная Николина, успокойся, не требуютъ твоей жизни, чтобъ ты была щастлива: разумѣешъ ли ты меня? государь мой, я не вижу моего сына! Я ужъ тебѣ говорилъ: что ты его скоро увидишъ; но послушай меня. Да, ты все будешъ получать, чего ни пожелаешъ: отъ тебя ничего инаго не требуютъ, какъ только малинькой благосклонности.

Базиль пришелъ въ великолѣпномъ платьѣ и хотѣлъ броситься въ объятїя къ Николинѣ. Ты мнѣ ничего не говоришъ? какъ онъ пригожъ? ему бы можно быть господиномъ нашей деревни! это невозможно, чтобъ это былъ мой сынъ! я отъ того въ изумленїи. Николина услышала, что Реми называлъ его г. Маркизомъ. Г. Маркизъ, мой сынъ! господинъ Маркизъ, и такъ ты сдѣлался знатнымъ господиномъ!

что это за Парижъ! Базиль не переставалъ ее обнимать, и плакалъ. Поговори со мною: ужли тебѣ ничего со мной говорить? Удовольствїе, матушка, отнимаетъ у меня голосъ. Реми обратился къ Базилю: Я васъ однихъ оставлю. (*онъ отвелъ Базиля къ сторонѣ*) подумайте, что вы теперь на концѣ щастїя, быть супругомъ обворожающаго предмѣта: и . . . Вы знаете за какую цѣну, старайтесь уговорить Николину къ тому, чего мы желаемъ. Прощайте, я иду къ дѣвицѣ Аммервиль. будьте увѣрены, что разговоръ намъ будетъ клониться на васъ.

Базиль устремилъ взоръ свой на Реми: и лишъ только онъ его потерялъ изъ гласъ, то и бросился въ объятїя Николины. И такъ я матушка васъ могу обнять, и вамъ сказать сколько я васъ люблю! какое я чувствую удовольствїе, васъ опять видѣть! какое услажденїе чувствуетъ мое сердце! Но другъ мой . . . Это я ужъ не Базиля вижу! раскажи мнѣ свое щастїе! госпожа Маркиза осыпаетъ меня благо-

дѣяніями: она меня содержитъ, какъ собственнаго своего сына . . . Она меня такъ и называетъ . . . . Базиль, хоть она гжа. и знатная, но не можетъ тебя столько любить, какъ я: любовь не въ знатности состоитъ . . . . И такъ ты не поѣдешъ опять въ деревню? я сумнѣваюсь, такой прекрасной господинъ, рожденъ не для деревни! отецъ твой это предвидѣлъ . . . Я не знаю . . . . Путешествіе въ Парижѣ, не лишилоль меня твоей нѣжности . . . Ты смущаешся? развѣ мое присудствіе тебѣ причиняетъ скуку? нѣтъ, я матушка, принудилъ васъ сюда пріѣхать . . . Я имѣлъ великое таинство, которое вамъ хотѣлъ открыть . . . . О небо, чего мнѣ это стоитъ! матушка . . . . Я всегда вашъ сынъ: и не думайте, чтобъ я къ вамъ перемѣнился. Да, знатное щастіе меня ожидаетъ, и я весьма желаю онымъ пользоваться, а чтобъ вамъ показать, что я къ вамъ всегда таковъ, каковъ былъ. Оставь мнѣ мою бѣдность, любезный Базиль! всѣ сіи богатства были бы мнѣ бременемъ: слушай, люби

меня

меня всегда: будь всегда моимъ сыномъ, я не желаю другова щастія: сіе одно меня трогаетъ; оставь себѣ твое богатство, твою знатность; говорятъ, что всѣ сіи прекрасныя вещи, препятствуютъ любить. Я желаю только выкупить два виноградные сада, которые твой отецъ заложилъ: и естьли ты мнѣ ихъ выкупишъ, то я довольнѣе буду королевы, но я тебя больше не увижу, спросила она со слезами? ты здѣсь останешься? Матушка, и вы здѣсь со мной останетесь: о этомъ то самомъ я хотѣлъ съ вами говорить, я люблю здѣсь одну знатную дѣвицу, на которой хочу жениться. Ты хочешъ жениться на знатной дѣвицѣ? Она столько жъ добродѣтельна, сколько прекрасна; и въ разсужденіи сей свадьбы дѣлаютъ со мной договоръ: хотятъ . . . чтобъ я назывался г. Маркизомъ Менневалемъ . . . Какъ, ты не будешъ Базилемъ . . . . Не будешъ сыномъ твоего отца? я всегда буду вашимъ сыномъ: я ужъ вамъ сказывалъ . . дѣло идетъ о именіи . . . Изъяснись любезный сынъ, я тебя не

разумѣю: право, я не имѣю столько разума, сколько ты; ты бы выучилъ теперь всю нашу деревню... Ты на меня смотришъ и плачешъ! говори. ... Долженъ ли я любить! никогда, нѣтъ никогда не буду имѣть столько силъ, чтобъ ей сказать... Вотще: я не могу.... ты меня, мой другъ, оставляешъ? обстоятельства принуждаютъ меня... господинъ Реми васъ увѣдомитъ... Матушка, я васъ опять скоро увижу.

Николина осталась въ задумчивости: безпокойство ея сына ее трогало; она не знала чему сїе приписать. Что касается до Базиля, то побѣжалъ онъ къ своему путеводителю. Ваше требованїе превосходитъ мои силы, и я думаю что на такихъ условїяхъ я не могу надѣеться быть щастливъ... напрасныя старанїя! ахъ г. Реми, нелзя принуждать природу. Все еще природа, г. Маркизъ? вы меня еще называете Маркизомъ? развѣ я Маркизъ? я не могу притворяться, я крестьянинъ, сынъ Николины, и люблю ея... какъ свою мать: она мнѣ мать, государь

дарь мой, продолжалъ взрыдая; а гжа. Марквиза моя благодѣтельница.

Реми притворился сердитымъ. И такъ Базиль, потому что ты онымъ быть желаешъ, ступай, влеки за собой участь нискаго человѣка, которой погруженъ въ подлость, слѣдуй своей удивительной склонности. Твоя правда, природа должна быть нашимъ путеводителемъ. Это та природа, которая тебя погрузитъ въ грязь твоея деревни: природа тебя принудитъ умереть съ голоду: и та же природа запретитъ тебѣ на вѣки и помышлять о дѣвицѣ Аммервиль . . . Я первой увѣдомлю ея о правдѣ. Гжа. Маркиза награждена за свои благодѣянія, ты ничто иное есть, какъ неблагодарной! Неблагодарной! государь мой, о небо! Базилю симъ упрекаютъ! никогда, нѣтъ никогда ни кто не былъ столь благодаренъ: но дайте мнѣ другое сердце. Съ твоимъ сердцемъ будешъ ты жизнь свою препровождать въ своей деревнишкѣ . . . Ты не чувствуешъ своего щастія, и всего того, что дѣвица Аммервиль внушаетъ.

Реми пошелъ съ гнѣвомъ, а Базиль пронзенный печалїю, пошелъ къ гжѣ. Менневаль: нѣсколько минутъ спустя, прїѣхала дѣвица Аммервиль сопровождаема своими сродственниками. Базиль былъ тронутъ новыми прелѣстями, любовь его побѣдила, и привела въ пламя. Маркиза начала говорить о бракосочетанїи. Сродственники дѣвицы Аммервиль приняли оное предложенїе съ удовольствїемъ. Теперь Базиль увѣренъ, что онъ будетъ обладать тѣмъ, что обожалъ; ему позволено изъяснить свою страсть. Дѣвица Аммервиль могла уже безъ стыда принимать изъясненїя своего любовника: тогда открылись ея прелѣсти и красота ея показалась во всемъ своемъ блескѣ.

Реми взялъ на себя трудъ навестить Николину, открыть ей то, что боялся ей объявить Базиль. Онъ нашелъ ее утопающую въ слезахъ. Что тебѣ сдѣлалось Николина, объ чемъ ты такъ плачешъ? Что мнѣ сдѣлалось, государь мой, что меня трогаетъ? я примѣчаю, что Базиль теперь не таковъ, какого я

его оставила. Какъ! я не могу съ нимъ столько быть, сколько желаю; я его видѣла малое время, да и тогда онъ былъ печаленъ: мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ, что то объявить: я не знаю, что онъ мнѣ хотѣлъ сказать.

Любезная Николина, не печалься о томъ; я тебѣ это скажу . . . Я тебѣ изъясню. Я хочу это знать, государь мой . . . Сынъ твой имѣетъ къ тебѣ нѣжность, которая безъпритворна: онъ весьма желаетъ оную тебѣ доказать. Разсуди изъ того, что онъ для тебя дѣлалъ, и что онъ дѣлать будетъ сдѣлавшись щастливымъ. Но онъ еще не таковъ, а можетъ онымъ быть на тѣхъ условiяхъ, которые я тебѣ объявляю. Вить ты мнѣ сказывала, что ты своего сына любишъ больше своей жизни? Ахъ, государь мой, тысячу разъ больше, и что естьли бы обстоятельства потребовали, то бы конечно оной для него пожертвовала? конечно государь мой; я ужъ вамъ сказывала, естьли бы только это къ его щастiю послужило, я сей часъ приму смерть. Любезная Николина, отъ тебя смерти не

не требуютъ. Но хотятъ, чтобъ ты жила, чтобъ ты была спокойна, и щастлива: Базиль будетъ тебя всегда любить. Отъ тебя требуютъ нѣкоторой благосклонности, самую бездѣльную жертву, которая по правдѣ сказать немногова стоитъ: желаютъ, чтобы Базиль не называлъ тебя своею матерью, а ты бы не называла его своимъ сыномъ. Что это значитъ, государь мой, какъ? чтобъ я . . . Я не разумѣю, чтобъ я не была матерью своему сыну, моему Базилю. Базилю, котораго я воспитала и котораго я вскормила? Ты меня не понимаешъ, я это вижу, мой другъ, я тебѣ изъясню: у гжи. Маркизы нѣтъ дѣтей: она столь благодѣтельна! она твоего сына дѣлаетъ наслѣдникомъ: онъ женится на дѣвицѣ, которая знатна и богата. И такъ нужно, чтобы ты его больше не видала, и чтобъ ты осталась въ своей деревнѣ, куда тебѣ будутъ всего посылать, что будешъ жить спокойно, тебѣ должно вездѣ расказывать, что Базиль умеръ, словомъ Базиль не будетъ больше называться

ваться твоимъ сыномъ, а ты не будешъ называться его матерью: его будутъ называть господиномъ Маркизомъ Менневаль . . . разумѣешъ ли теперь? я тебя увѣряю, что его къ тебѣ нѣжность никогда не перемѣнится: что твое отсудствїе не истребитъ его къ тебѣ любви: но . . . Ты не отвѣчаешъ? . . . Что я слышу? что значатъ сїи взрыданїя? что это значитъ. Государь мой? вы конечно не разумѣете, что есть мать? я умру въ слезахъ . . . Базиль . . . Онъ тебя осыплетъ благодѣянїями. Ахъ, государь мой, да на что они мнѣ? (*она больше начинаетъ плакать*) у меня отнимаютъ сына! у меня все отнимаютъ. Базиль показался. Николина побѣжала къ нему, вся въ слезахъ бросилась въ его объятїя. Ты больше мнѣ не сынъ?

Базиль пришелъ въ намѣренїи, сказать Николинѣ, что они на нѣсколько времяни должны растаться: что его щастїе, и его любовь сей жертвы требовали: но только лишъ увидѣлъ свою мать въ великой горести, то природа восторжествовала: онъ хотѣлъ

тѣлъ говорить, но былъ не въ силахъ; онъ только прижималъ Николину къ своей груди. Реми рушилъ сїе молчанїе, началъ говорить Николинѣ: Это значитъ, что щастїе твоего сына тебя не трогаетъ: мы намѣрены были утвердить ваше щастїе . . . Но ты будешъ удовольствована: ты будешъ видѣть Базиля: онъ съ тобою поѣдетъ: онъ опять будетъ ввергнутъ въ свою прежнюю бѣдность . . . Нѣтъ, государь мой, прервала его Николина, я буду знать . . . Я лутче умру, нежели буду причиною его нещастїя. И такъ Базиль . . . Я тебя не буду больше называть моимъ сыномъ! но покрайней мѣрѣ сдѣлайте мнѣ эту милость, сжальтесь надомной: чтобъ я его видѣла . . . . Сдѣлайте, государь мой, милость, продолжала она взрыдая, опредѣлите меня въ число его служанокъ: о я буду первая стараться ему служить . . . Я тебѣ кленусь о своей ревности . . . Я буду видѣть мое дитя, хотя я буду печальна, но буду свидѣтелемъ его щастїя . . . Ты не отвѣчаешъ? . . . Ты плачешъ . . . .

могу ли я жить безъ тебя? обѣщала не называть тебя сыномъ . . . Будь увѣренъ мой сынъ . . . Такъ ты держишъ свое обѣщанiе? вскричалъ Реми; ты будешъ всегда его испускать, и тѣмъ откроешъ важную тайну твоего сына? при томъ же не говорили тебѣ, что требуютъ мало времяни, и что по прошествiи онаго ты опять увидишъ Базиля? возвратись въ свою деревню, ты тамъ ни въ чемъ не будешъ имѣть нужды . . . ничего мнѣ не станетъ не доставать? Ахъ, да что вы мнѣ можете дать, что стоило моего сына? ваши благодѣянiя? государь мой! оставьте ихъ себѣ; они не годятся для матери. Да, я возвращусь въ деревню . . . . Тамъ умереть . . . Прощай Базиль . . . . Прощай мой сынъ, нѣтъ, я не имѣю силъ держать сего имяни: это будетъ мое послѣднее слово . . . Матушка . . . (*обратясь къ Реми*) Государь мой, вы много отъ меня требуете? я всего лишаюсь, всего, я не могу . . . . Я нещастливѣйшiй изъ смертныхъ.

Базиль упалъ на стулъ, ручьи

слезъ полились изъ его глазъ. Ты видишъ, сказалъ Реми Николинѣ, ты дѣлаешъ нещастливымъ твоего сына, ты лишаешъ его щастїя: естьли же ты то исполнишъ, что отъ тебя требуютъ, то будешъ ты его благодѣтельница: а это больше, нежели мать, и больше нежели дать жизнь, ты его обогатишъ: возвысишъ на верьхъ щастїя . . . Любезная Николина, такимъ то образомъ любятъ сына. Ну такъ что же государь мой, я . . . я все то сдѣлаю, что вамъ надобно: я теперь же поѣду . . . Я никогда, никогда его не увижу: я вамъ это обѣщаю, я Базиля обнимаю въ послѣднїй разъ.

Николина бросилась къ Базилю, осыпала его поцѣлуями; и обливала слезами: прощай любезное дитя! будь щастливъ и позабудь твою бѣдную мать . . . Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, обратя на него свой взоръ; по томъ воротилась: сынъ мой . . . Я не могу его оставить! нѣтъ не возможно! ноги подомной ослабѣваютъ! Ну такъ останься здѣсь, сказалъ Реми,

котораго

котораго тайное огорченіе привело въ движеніе: мы учредимъ сіе дѣло такимъ образомъ, что ты будешъ довольна. Онъ пошелъ и былъ столь предостороженъ, что взялъ Базиля съ собою, погруженнаго въ жестокую печаль.

Реми спѣшилъ увѣдомить Маркизу о сей опасности . . . Ты меня, государь мой, ввергнулъ въ сію пропасть: мы слѣпо въ оную пустились: это мой стыдъ, мое поношеніе . . . смотрите, чѣмъ я вамъ обязана, я весьма достойна сожалѣнія, что предалась вашимъ совѣтамъ, я не чувствую больше спокойствія души: мы сами оной причиной, мы не имѣемъ спокойствія! случаются такія минуты, въ которые я намѣреваюсь все объявить, оставимъ Базиля, оставимъ его матери; я его не хочу больше видѣть. Позвольте мнѣ взять мѣры, государыня моя, вамъ донести? вы то почитаете за чуствительность, что есть слабость. Какъ? вы доходите до намѣренія: я вамъ показалъ дорогу. вы скоро получите плодъ моего щастли-

 ваго

ваго разположенія, и изъ одного упрямства, которое вы изволите называть состраданіемъ, хотите вы уничтожить мое разположеніе. Это то, государыня моя, награжденіе за мое усердіе и мои заслуги? вамъ не остается больше ничего, какъ только разказать обо мнѣ, что я злодѣй... Не печальтесь, сударыня, я выдумалъ сіе разположеніе, я его произведу, и буду основатель вашего щастія. Вы опослѣ можете наказать! Ахъ какой новой предмѣтъ оживляетъ меня!.... Я не сумневаюсь, г. Реми, о вашемъ безкорыстіи и желаніи меня одолжать: но подумайте что мы далеко достигли?... Ну, естьли бы сія тайна открылась?... Я вамъ за это ручаюсь моею предосторожностію, которая все выдержитъ. Еще разъ положитесь во всемъ на меня. Я имѣю нужду въ вашей помощи, я отъ васъ самой безделицы требую, и это весьма легко сдѣлать: должно отдалить... Кого? государь мой? Ту, сударыня, женщину, которая намъ дѣлаетъ нѣкоторое препятствіе, нѣтъ ничего легче какъ

освободиться

освободиться отъ нее; можно бы, напримѣръ . . . ее сбыть съ рукъ . . . Вы меня разумѣете . . . Что вы хотите сказать? что . . . естьли наша польза того требуетъ, то должно изгнать смѣшную жалость. Это правда сударыня, что соболѣзнованіе, есть похвальное чувствованіе человѣка; но иногда она бываетъ худо употребляема, и вредно тому, которой не въ состояніи ее побѣдить. Наконецъ, сударыня, кому вы дѣлаете зло? между нами сказать, что значитъ бѣдная крестьянка? это не важное твореніе? но хотябъ она и чувствовала, . . . То чтожъ тутъ не справедливаго? а . . . Она не чувствуетъ: воспитаніе и знатность производятъ чувствительность, или покрайней мѣрѣ ее умножаютъ. Крестьяне не знаютъ инаго нещастія, какъ умреть съ голоду: и такъ весьма легко лишить вольности сію крестьянку, давъ ей все нужное для ея содержанія, тогда не будемъ мы опасаться сего ложнаго обращенія природы; которая отъ насъ рано или поздо отнимаетъ сего глупаго Базиля,

 естьли

естьли мы не увѣримся въ Николинѣ.. Довольно ли, государь мой. Какія ужасныя совѣты осмѣливаешся ты мнѣ подавать? кто? я, которая была столь не человѣколюбива, что отнела у сей бѣдной женщины то, что ей всего любезнѣе, ея сына, я присоединяла жестокость къ столь подлой лжи . . . Я должна притѣснять невинность, я къ сему должна употребить мою знатность . . . Поди, государь мой, бѣги отъ глазъ моихъ: я дрожу . . . бѣги, говорю я тебѣ, или я покажу гнѣвъ мой. О небо! не достойналь я наказанія? пристойно ли мнѣ причинять нещастіе матери? Я бѣдная! куды меня завело мое подлое снисхожденіе? я ужасаюсь отъ одной мысли . . . Итакъ мнѣ не позволено, сударыня, у васъ просить совѣта! это было только мое разположеніе, и я оное тотчасъ уничтожу, естьли оно не нравится. Я только хотѣлъ отдалить нѣкоторыя безпокойства. Я уже вамъ сказывалъ, государыня моя, что вы одинъ предмѣтъ моей прозорливости и страха, для

меня

меня все равно, не станемъ употреблять сего способа, естьли онъ не по вашему вкусу: я буду стараться сыскать другой путь, которой вы примите. Ахъ! господинъ Реми, въ какомъ я состоянiи; вы думаете, что меня одолжили? Сердце мое, непрестанно востаетъ противу меня самой, оно меня упрекаетъ, меня осуждаетъ, ... Естьли бы мнѣ можно было изъ онаго вытти! но я уже съ лишкомъ предалась. Да, упрекайте меня слабостiю, вы имѣете право. Это она, которая затворила мои глаза, въ разсужденiи пороковъ . . . въ которыя вы меня ввергнули: я называю оное порокомъ, что ужаснѣйшее злодѣйство! Какъ сударыня, съ такимъ разумомъ, какой вы имѣете; и такой знатности, можете вы чувствовать нерѣшимость и страхъ! вы мнѣ всегда говорите объ угрызенiи совѣсти? развѣ вы не уверяетесь въ разсужденiи тайности? Угрызенiя принадлѣжатъ подлости и всѣмъ малымъ душамъ, которые въ числѣ простолюдимовъ. Къ чему вамъ будутъ служить воспита-

нїе и благородство, естьли вы оные не будете употреблять, для сихъ предразсужденiй? Предразсужденiй, государь мой? сердце не обманываетъ: это мое сердце, которое мнѣ говоритъ, что я дѣлаю отвратительное и наказанiя достойное дѣло; я должна оному вѣрить. Ахъ! прежде сего проливая слезы, чувствовала я утѣшенiе. Я не страшилась, бывъ одна, вдаться моимъ мыслямъ; спрашивать самую себя: а теперь сама противъ себя востаю, желаю сама себя убѣгать. Слышу голосъ, который меня преслѣдуетъ, я его ношу въ своемъ сердцѣ, онъ безпрестанно кричитъ. Естьли я буду на верьху богатства, чести . . . Однако все не буду щастлива . . . Нѣтъ никакого способа, сударыня, оставить наше предпрiятiе . . . Такъ уже и быть! естьли же намъ нельзя онаго оставить . . . то женимъ Базиля: пусть онъ называется моимъ сыномъ: но его мать! Ахъ бѣдная женщина! я ее осыплю моими благодѣянiями: чтобъ она позабыла . . . . ни чемъ не могу загладить ту несправедливость, которую мы ей причиняемъ.

Реми обѣщалъ все углубясь въ свои мысли, разсматривалъ всѣ тѣ хитрые вымыслы, который ему его смущенный разумъ представлялъ: онъ долго размышлялъ, онъ употреблялъ всѣ воображенія; наконецъ показалось ему средство, которое онъ и принялъ.

Базиль любилъ свою мать, и обожалъ дѣвицу Аммервиль: онъ имѣлъ случай быть съ нею на единѣ: печаль изображалась на лицѣ ея; Базиль сдѣлался отъ того безпокоенъ: онъ почувствовалъ, что всякое малѣйшее неудовольствіе, того, кого любишъ чрезвычайно чувствительно. . . Вы кажется печальны, милостивая государыня, что васъ безпокоитъ? Вамъ не прилично, государь мой, меня о томъ спрашивать. . . Вы это должны знать. . . мнѣ не позволено, изъясняться. . . Я весьма нещастна! потомъ покатились изъ глазъ ея слезы: она хотѣла уйти. Базиль подбѣжалъ къ своей любовницѣ, милостивая государыня . . . Я васъ не оставлю: удостойте меня узнать причину вашихъ слезъ: не доведите меня до отчаянія

нія: повѣрьте мнѣ . . . Ахъ, не ясно ли я сказала? должна ли я вамъ простить ту крайность, въ которую вы меня ввергаете? естьлибъ я что нибудь произвела въ васъ . . . естлибъ любовь . . . Что я сказала! ужели вы сомнѣваетесь въ томъ, сударыня, мое сердце наполнено вами, я васъ обожаю, какъ виновницу моей жизни? . . Ахъ! естьлибъ вы знали . . . Вы меня любите, государь мой, а моя печаль васъ не трогаетъ? естьлибъ я вамъ была любезна, естьлибъ вы чувствовали . . . Сталили бы вы противиться нашему соединенію? Господинъ Реми мнѣ сказалъ . . . Вы отлагаете . . О небо! вы вѣрите, сударыня. . Я наищасливѣйшая изъ всѣхъ женщинъ! должно ли мое сердце . . . Господинъ Менневаль, слезы мои говорятъ за меня, естьли бы вы менѣе господствовали надъ моею должностію, моимъ разумомъ, надъ всей моей душею . . . Вы меня любите? Ахъ, государь, не ужли васъ сіе не увѣряетъ мое теперешнее состояніе, моя слабость? безъ согласія моихъ сродственниковъ . . Я

торжествую

торжествую! . . . Ахъ милостивая государыня, не скрывайте отъ меня того, отъ чего зависитъ мое благополучїе, моя жизнь, мой восторгъ, не позволяютъ мнѣ изъяснить: я любимъ, я тѣмъ любимъ, что всего прелѣстнѣе и обожанїя достойное. . . Милостивая государыня, владѣйте моимъ сердцемъ, которое для васъ жить будетъ. Нѣтъ, никогда . . . никогда васъ не оставлю. . . . Что со мной сдѣлалось, я ничего больше не вижу, не слышу, я никого не люблю; кромѣ васъ: я кленусъ у ногъ вашихъ: я готовъ вамъ всемъ жертвовать, да, всемъ. . . Я любимъ! теперь же пойдемъ ко олтарю, я вашъ супругъ, я не знаю другаго щастїя, какъ быть вамъ подвластну и васъ обожать.

Базиль осмѣлился поцеловать руку. Реми показался. . . Господинъ Реми, я удостоиваюсь быть любимымъ: ускорите то время, которое меня дѣлаетъ щасливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, никакїя препятствїя . . . Вы меня разумѣете . . . Попросите гжу. Маркизу, вашу матушку, сказалъ Реми

ми . . . Да мою матушку, сродственниковъ дѣвицы Аммервиль . . . чтобъ насъ соединили. Реми радовался. Это онъ, которой доставилъ имъ свиданіе, и довелъ знатную и хорошо воспитанную дѣвицу до того, что она оставила благопристойность, и стыдъ. Реми остался одинъ съ Базилемъ. Я обвороженъ сими восторгами! теперь вы достойны моихъ уроковъ, побѣдитель предразсужденій, оживленъ возвысить себя изъ подлаго произхожденія! ибо что есть крестьянинъ? это самое презреннѣйшее твореніе! что можетъ быть щастливѣе, какъ быть одаренну великимъ богатствомъ, и въ объятіяхъ любви, вкушать всѣ преимущества, которые принадлежатъ знатности! А мать моя, г. Реми? Вы сами должны уговорить, чтобъ она возвратилась въ деревню: увѣрьте ее, что ей будутъ присылать на содержаніе. Вы будете ея благодѣтелемъ . . Но не буду ея сыномъ! о весьма нужно лишить ее сего имяни, и на всю ея жизнь . . . Вы мнѣ говорили . . . Я думалъ, что мнѣ для вашей

вашей пользы, не должно было сказывать правду. Теперь уже не нужно васъ обманывать. И такъ знаете, что вашему Маркизству время неограничено. Вы навсегда будете г. Маркизомъ Менневаломъ, сыномъ госпожи Менневалы, и супругомъ дѣвицы Аммервиль. Николина же всѣмъ будетъ сказывать, что вы умерли . . . О небеса! сколь вы меня обманули! я думалъ . . Вы видѣли текущія слезы у той, которую вы обожаете, и которая васъ любитъ! не сумнѣваетесь ли вы объ этомъ? лишиться на вѣкъ матери! Ахъ государь мой! какое для васъ щастіе, вы плѣнили дѣвицу Аммервиль, и столь ее возпламенили, что она вамъ открылась . . . Это правда, что я любимъ той, которая есть любви достойнѣйшая . . . Ну такъ чтожъ . . Какъ? я долженъ оставить ту, которая меня произвела на свѣтъ? Вы ее обогатите . . пойдемте къ гжѣ. Менневаль, разпоряжать все касающееся до вашей свадьбы. Ахъ! матушка! да, она увидитъ изъ моей нѣжности и благодѣя-

нїй

нїй, что не потеряла сына, . . Г. Реми, можно ли мнѣ не произносить сего имяни, ежели мое сердце его безпрестанно напоминаетъ? она всегда мнѣ будетъ мать.

Реми всегда старался увидѣть Николину, и употребить все свое искусство, которымъ онъ ее склонилъ къ той жертвѣ, которой онъ требовалъ: она пришла къ Базилю въ своей старой одѣждѣ, любезный сынъ . . . мнѣ еще позволяется произнести сїе имя: я никакъ не противлюсь сему щастїю. Сей господинъ (*указывая на Реми*) склонилъ меня дать слово, и я согласилась не быть тебѣ матерью . . . Я ужъ тебѣ не мать! это тебѣ госпожа Маркиза . . . Я ей уступаю свое любезное дитя. Базиль, позволютъ ли мнѣ тебя въ послѣднїя прижать къ той груди . . . которая тебя вскормила? потомъ бросилась Николина въ объятїя своего сына. Она упала въ обморокъ, онъ закричалъ и старался ей подать помощь. Реми хотѣлъ увести своего ученика, отъ толь трогающаго позорища, говоря, что Николинѣ

колинѣ станутъ помогать. Нѣтъ, государь мой, я не оставлю моей матери. Матушка, очувствуйтесь, послушайте меня . . . Николина пришла въ чувство; старалась стоять, бросила чувствительной взоръ на Базиля и упала опять безъ чувствъ на землю. Это ничего, сказала она, пришедши въ себя; я прошу Бога только объ силѣ выпти изъ сего мѣста: сдѣлайте кто нибудь изъ сожалѣнія услугу . . . Я скоро умру . . . Базиль . . . не я причиною сихъ движенїй. Я съ охотою жертвую моею жизнїю, для твоего щастїя, Ахъ! не мнѣ прилично, причинять и огорчать своего сына. Да, прибавила Николина въ слезахъ и рыданїяхъ, пособите мнѣ выпти изъ сего дому, которой столь мерзокъ! я отъ Маркизы никакихъ подарковъ не требую. Я надѣла опять свое платье, онаго для моей кротости жизни довольно будетъ. (*Къ Реми*) Государь мой, простите меня, ежели я не сдѣржала моего обѣщанїя: я думала, что я больше крѣпости имѣть буду; что я буду въ силахъ уговорить Базиля,

поспѣшить

поспѣшитъ моимъ отъѣздомъ . . . . Это не моя вина, сердце мое меня побѣдило.

Потомъ Николина старалась укрѣпиться и оставить своего сына. Но онъ бросился въ ее объятія, и могъ вымолвить сіи слова только: никогда, никогда на это не соглашусь! что мнѣ дѣлать? . . . О матушка! о обожанія достойная Аммервиль! онъ готовъ былъ умереть и былъ въ жестокомъ состояніи.

Между тѣмъ Реми поспѣшалъ его свадьбою. Хитрецъ надѣялся преодолѣть всѣ трудности. И полагался во всемъ на силу любви. Онъ старался доставить свиданіе двухъ любовниковъ. Гжа. Менневаль была жертвою не рѣшимостію, и отдалась во все противъ воли. Реми старался всѣми силами покорить ее совѣсть, которая тѣмъ больше усиливались, чемъ скорѣе приходило къ концу дѣло. Базиль напротивъ того былъ мучимъ двумя предмѣтами. Реми засталъ его плачущаго и погруженнаго въ печаль, то предавался онъ сильнѣйшей страсти, то слѣдовалъ онъ природной страсти. Не

Неусыпный Реми вооружился побѣдою дѣвицы Аммервиль, онъ далъ ей упасть въ новыя сѣти и довелъ ее до того, что она написала письмо, которое должно было совершенно побѣдить сердце Базиля: Базиль получивъ сїе письмо, побѣжалъ въ свою комнату, заперся и предался всѣмъ волнованїямъ, которые на него устремились. Любовница упрекала въ томъ маломъ старанїи, которое онъ употреблялъ для совершенїя свадьбы, которая должна была содѣлать ихъ щастїе: она напоминала ему его согласїе, которое онъ показывалъ въ своей сильной страсти, показывала ему всю свою нѣжность, и кончила угрозами, что ежели сїе долго продолжится, то согласится на другое супружество, къ которому будутъ принуждать ея родственники. Базиль держалъ сїе письмо и былъ въ великой задумчивости. Реми вошелъ: что это у васъ за письмо, которое дѣлаетъ васъ столь задумчивымъ? Это письмо отъ дѣвицы Аммервиль, которое меня весьма обрадовало . . . Но притомъ пронзила

мое сердце! Ахъ г. Реми, что со мною будетъ, я обожаю дѣвицу Аммервиль: я горю желанїемъ быть съ нею сопряженну. Но съ какимъ договоромъ долженъ я ей быть супругомъ? сїи мысли меня безпокоятъ: мучитъ меня. Я отъ васъ не могу скрыть, что одинъ изъ ея родственниковъ принуждаетъ ее вступить въ другое супружество: она васъ любитъ, подумайте, что она будетъ чувствовать. Да я знаю, что она меня любитъ . . . И я ее обожаю. Вы причините дѣвицѣ Аммервиль муку; вы ей причините смерть. Малѣйшее замѣдленїе . . . Я буду причиной смерти! чтобъ я причинилъ ей малѣйшую печаль! о небо! сколь скоро . . . Что мнѣ дѣлать? . . Согласиться никогда не видать Николину; не называть ее никогда матерью, и оказывать ей благодѣянїя: но ее должно удалить: Ужли мнѣ безпрестанно сїе напоминать? . Я все беру на себя . . Моя мать! . . . Она, г. Реми, умретъ! Посмотрите на дѣвицу Аммервиль, которая умретъ въ объятїяхъ другаго. Постойте, постойте

стойте, какое опасенїе? . . . Мнѣ должно ее увидѣть! кого? мою бѣдную мать: мнѣ должно ей сказать . . . Еще разъ, все пропадетъ, когда вы ее увидѣте въ разсужденїи ея отъѣзда, положитесь на меня . . . Она поѣдетъ довольною, будете увѣрены, что я ее до сего доведу.

Подъ сей случай дѣвица Аммервиль сдѣлалась больна. Реми возпользовался симъ нечаяннымъ припадкомъ, умножилъ страхъ, выдумалъ опасную болѣзнь, безпрестанно представлялъ сїе Базилю, довелъ его до того, что онъ совершенно согласился отдалить Николину, и убѣгать ея присудствїя.

Реми велѣлъ позвать Николину, и сказывалъ ей, что Базилъ женится: онъ представлялъ ей то богатство и честь, которымъ будетъ осыпать ея сынъ. Дѣло сдѣлано, любезная Николина! теперь настало то время, въ которое ты намъ должна доказать, что Базиль тебѣ любезенъ: дѣло идетъ къ тому, что ты должна позабыть свою пользу и спокойствїе, и его совсемъ оставить, а думать только о

щастіи твоего сына : возвратись въ свою деревню ; или ежели хочешъ , останься въ Парижѣ; только съ тѣмъ уговоромъ , чтобы никогда не называть его своимъ сыномъ , и не требовать его видѣть . . . Никогда не называться его матерью ; подумай , что я уже съ тобой въ послѣдній разъ говорю : и что уже нѣкогда будетъ . . Я должна обѣщаться не быть матерью своего сына . . Ты оною всегда будешъ : но не будешъ только оную называться . . . Я тебя увѣряю , что у тебя будетъ всего съ излишествомъ: ты будешь имѣть извѣстный доходъ: будешь остальную твою жизнь спокойна , будешъ знать , что Базиль щастливъ . . Хорошо, государь мой, такъ и быть, оставь меня моей печали ; я на оное соглашаюсь : я не буду никогда называться его матерью. . . Государь мой , продолжала она , бросясь къ ногамъ сего безчеловѣчнаго и омочая ихъ слезами : я просила о сей милости для имяни человѣчества. Какъ ! вы не хотите оной сдѣлать ? вы мнѣ откажите быть въ

числѣ его служанокъ? Я ужъ тебѣ сказывалъ причину, которая мнѣ препятствуетъ сїе дѣлать, не нужно тебя мучить; ты меня напрасно просишъ: ты непременно должна согласиться, возвратиться въ деревню, или остаться въ городѣ, только никогда не видать Базиля. Любишъ ли ты его? Ахъ Боже! люблю ли я его? люблю ли я моего сына? . . Мои слезы, мое отчанїя, ничто васъ не можетъ тронуть! вы меня лишаете удовольствїя его видѣть! я не должна съ нимъ говорить государь мой? Оставь свои прозьбы, повинуйся . . . Одно только средство вамъ повиноваться, прервала Николина, голосомъ, которой показывалъ все ее отчаянїе; умертвите меня здѣсь: лишите меня теперь же жизни, но дайте только въ послѣднїя поглядѣть и обнять своего любезнаго сына . . . Ужели вы откажете и въ сей прозбѣ? тогда, вы будете довольны, ничто тогда не будетъ препятствовать его щастїю, естьли онъ быть такимъ можетъ, сказала она проливая слезы, когда

 уморитъ

уморитъ съ печали нещастную свою мать . . . Онъ мнѣ столь любезенъ! ты это доказываешъ, сказалъ Реми съ насмѣшкою! естьли бы ты его любила, то вела бы себя другимъ образомъ: ты бы не противилась его щастїю: что я говорю? ты бы перьвая принуждала переменить имя и состоянїе, не называться твоимъ сыномъ, почитать Маркизу своей матерью, и убѣгать твоего присудствїя, но ты не знаешъ, что есть любить. . . Я не знаю, какъ любить? подите государь мой, я прїѣхала въ Парижъ не учиться какъ быть матерью: правда, я бѣдная женщина, но имѣю такое же сердце какъ и вы, государь мой, не должно быть знатною, чтобъ имѣть душу и Базиля . . . Ты противишся моему совѣту, моимъ предложенїямъ, и своей пользѣ найдутъ средство, тебя привести въ разумъ . . . Такихъ людей наказываютъ, какова ты . . . . Меня наказывать? развѣ здѣсь тотъ достоинъ наказанїя, которой не хочетъ уступить своего сына другому? я весьма

глупа,

глупа, но думаю, что ежели бы сїе зналъ Король, то бы онъ не потерпѣлъ сей несправедливости: развѣ у него нѣтъ также матери, какъ у Базиля! развѣ бы онъ не сталъ слушать бѣдную крестьянку, для того, что онъ Король? онъ намъ всѣмъ отецъ, и я брошусь къ его ногамъ.

Никола не имѣла силъ продолжать, рыданїя и слезы прерывали ее голосъ; Реми казался задумчивымъ. Послушай Николина, сїи вздохи и жалобы не къ стати. И такъ ты ничего не боишся? ты меня принуждаешъ тебѣ открыть! ужасайся о твоемъ сынѣ. Что вы говорите, государь мой? Разсмотри тотъ ужасъ, въ которой ты твердостїю своею ввергаешъ своего сына. Ты не хочешъ отречься отъ него? ты не хочешъ оставить сего мѣста и намѣрена открыть тайну нашу? Познай сему конецъ: сынъ твой будетъ жертвою твоего дурачества, и съ нимъ поступлено будетъ какъ съ преступникомъ. О небо! правосудїе подъемлется: сродственники господина Менневала, осудятъ его на истязанїе

занїе : Правосудїе ! . . . Сынъ мой долженъ вытерпѣть наказанїя, которыя принадлѣжать злодѣямъ ! . . . Я буду тому причина . . . Не сомнѣвайся о его смерти : его повлекутъ въ темницу : Базиля въ темницѣ . . . Онъ умретъ . . . Я ѣду государь мой . . . Я сей часъ ѣду. Я очень радъ, что ты образумилась и приняла сїе твердое намѣренїе, ожидай благодѣянїя . . . Благодѣянїя, государь мой, я вамъ ужъ говорила, что оныхъ не требую: да, я спѣшу, омыть слезами то полѣ, которое мнѣ мой мужъ оставилъ . . . Но ужли я передъ отъѣздомъ съ нимъ не буду говорить, его видѣть ? Ахъ государь мой . . . Вы не упросимы ? . Скажите ему, что я нещастна, что онъ мнѣ всего любезнѣе . . . Я его не буду видѣть ! ты будешъ получать отъ него письма. Ахъ, сынъ мой, сынъ мой !

Реми оставилъ на короткое время Николину : онъ принесъ ей нѣсколько денегъ : Николина отвергнула оные съ негодованїемъ, и пролила слезы : я должна брать милостину : нѣтъ я не хочу

хочу отъ васъ ничего: вы все у меня отняли: вы у меня отняли сына! теперь ни въ чемъ не имѣю нужды, какъ кончить нещастную свою жизнь. Не опасайтесь, чтобъ я опять возвратилась васъ отягощать, ахъ мнѣ не нужна будетъ ваша помощь: я не увижу своей деревни, я умру на дорогѣ.

Не чувствительной Реми, не тронулся состоянїемъ столь нѣжной и сожалѣнїя достойной матери: но только смотрѣлъ на свой предмѣтъ. Онъ воспользовался тѣмъ движенїемъ, которое въ Николинѣ произвелъ страхъ, видѣть своего сына предана правосудїю. Въ самомъ дѣлѣ, сїе побудило Николину его оставить. Ничего не оставалось злодѣю, какъ только влечи Базиля ко олтарю, и симъ бракосочетанїемъ, произвесть въ дѣйство свое намѣренїе.

Дѣвица Аммервиль выздоровела, и красота ее еще умножилась: Реми далъ ей выразумѣть, чтобъ она говорила, что единое его замедленїе, было оной причина. Базиль увидѣлъ опять предмѣтъ своихъ желанїй: онъ

нетерпѣливо желалъ совершить тотъ бракъ, отъ котораго зависила его жизнь. Но совѣсть его мучила, тогда, когда онъ размышлялъ, что безстыдный обманъ доставляетъ ему щастїе и супругу, которая думала, что будетъ супругою Маркиза Менневала. Базиля съ трепетомъ спрашивалъ о своей матери: Никола согласилась на отъѣздъ, которой для васъ обѣихъ весьма нуженъ. Она вамъ ничего не говорила, г. Реми.

Ахъ я великую жертву дѣлаю дѣвицѣ Аммервиль! сїю столь нѣжную мать! она всегда будетъ печальна! я ее никогда не позабуду . . . Да, да я заглажу тотъ проступокъ, которой я передъ нею сдѣлалъ, я ее обогащу: я буду стараться ее всемъ тѣмъ снабжать, что ей будетъ нужно, напрасно меня отъ нее отдаляютъ! я, матушка, всегда буду чувствовать твое отчаянїе, твои слезы, твою нѣжность, которыхъ я не достоинъ, нѣтъ, я ихъ не достоинъ . . . Г. Реми, вы думаете, что оказали мнѣ услугу тѣмъ, что вывели меня изъ

тьмы

тьмы и увезли изъ деревни, нѣтъ, я тамъ жилъ щастливъ, спокоенъ, невиненъ . . . Государь мой, я теперь весьма порочен, прежде и не зналъ, что есть порокъ . . . Я не зналъ любви! она теперь причиною моего заблужденія, моей жестокости: она меня принудила итти противъ природы, противъ моей матери, и противъ всего . . . Я ничто иное буду, какъ нещастной обманьщикъ, подъ имянемъ Маркиза Менневала! Г. Маркизъ, ужели вы всегда будете тотъ Базиль, которой взросъ въ деревнѣ. Какъ? Не ужели я не могъ натолковать вамъ моими изъясненіями, справедливое понятіе о нашихъ существенныхъ соединеніяхъ? для чего вы мнѣ говорите о тайныхъ упрекахъ, о совѣсти, и о той печали, которую вы чувствуете въ отдаленіи отъ простой женщины? . . . Не случайли даетъ намъ родителей? мы въ этомъ согласны, окажите ей благодѣянія. Но вы не должны въ такой знатности разуждать по деревенски. Вы должны называть матушкой Маркизу: она въ

самомъ

самомъ дѣлѣ вамъ мать! она взяла васъ отъ сохи, доставила вамъ знатное состоянїе, достоинство, доставляетъ вамъ знатную супругу, которая столь прекрасна, столь богата, и которая васъ любитъ до чрезвычайности: не совершенноели это щастїе и вы можете мучиться совѣстїю! я надѣюсь, что сїи мѣлочи прекратятся со временемъ. Скоро можно найти отцовъ, матерей и цѣлые фамилїи, но не такъ легко изъ бѣднаго крестьянина, каковы вы были, сдѣлаться Маркизомъ, имѣть шестьдесятъ тысячь годоваго дохода, и имѣть совершенную супругу . . . Любезный другъ, я всегда буду вашимъ вѣрнѣйшимъ прїятелемъ. Воспользуйтесь моими совѣтами, сдѣлайте изъ себя такого человѣка, который годится къ великимъ дѣламъ . . Что мнѣ дѣлать, г. Реми (*Базиль показываетъ на сердце*) это мой ужасной непрїятель; къ нему присоединяются честь, природа и моя мать, которые меня мучаютъ! ужели требуется просвѣщенїе, чтобъ видѣть свое заблужденїе

блужденїе, сердце у меня таковоже, каково было въ деревнѣ: но прежде, нежели я васъ зналъ г. Реми, то чувствовалъ я тогда, когда дѣлалъ худо и добро, а теперь чувствую, что дѣлаю столь много злыхъ дѣлъ, которыми я долженъ мучиться всю свою жизнь. О конечно всю свою жизнь. Тотчасъ можно примѣтить, что вы еще не просвѣщены, и что знаете свое новое состоянїе. Я ожидаю отъ васъ другихъ мыслей, когда вы узнаете прїятности и щастїе любви, тогда вы мнѣ простите, что я васъ превратилъ въ Маркиза и отдалилъ отъ васъ женщину . . . которой грубости вы бы когда нибудь постыдились! да я льщу себя, что вы почувствуете много себя обязаннымъ, и я весьма надѣюсь на вашу благодарность.

Реми былъ увѣренъ не взирая на сей разговоръ, которой онъ называлъ слабостїю, ибо преступники обыкновенно называютъ то слабостїю, отвращенїе и страхъ тѣхъ, которые впадая пороки оной ощущаютъ. Однако

онъ

онъ боялся, чтобъ ученикъ его не былъ побѣжденъ раскаяніемъ, и предъ свадьбою не посрамилъ бы его надѣжды: для того весьма старался совершить сіе бракосочетаніе.

Гжа. Менневаль не менѣе была безпокойна какъ и Базиль. Было положено, чтобы свадьба была совершена въ загородномъ домѣ, не далеко отъ Парижа. Фамилія дѣвицы Аммервиль и двое сродственниковъ госпожи Менневаль, должны были провожать новыхъ супруговъ. Никогда не было прекраснѣе сей пары, всякой изъ нихъ былъ въ своемъ родѣ образцемъ. Дѣвица Аммервиль соединила въ себѣ всѣ прелѣсти; стыдливость и любовь казались будто спорятъ въ стараніи ее украшать: стольже прекрасной какъ и драгоцѣнной уборъ умножалъ природные дарованія. Что касается до ложнаго Маркиза: то былъ онъ въ состояніи совершенно играть сію роль, не подавая никакого сумнѣнія. Онъ тогда казался любви достойнымъ, а сильное желаніе совершить скорѣй бракъ, дѣлало его еще прекраснѣе.

Пышность

Пышность и вкусъ виденъ былъ изъ его платья, онъ подалъ дѣвицѣ Аммервиль руку.

Все собранїе вышло изъ замка и пошли въ церьковь, гдѣ должны были сопряжены быть любовники: госпожа Маркиза и ее сродственники шли за ними нѣсколько шаговъ. Госпожа Менневаль показала безпокойствїе и печаль, между тѣмъ Реми, которой былъ у Базиля, показывалъ радость: щастливое слѣдствїе ободряло его намѣренїе, и онъ приближался къ концу. Великое множество жителей сей деревни сбѣжались со всѣхъ сторонъ; сдѣлался шумъ: толпа народа окружала женщину не молодыхъ лѣтъ, которой наружной видъ и одѣжда изъявляли отчаянїе; она обливалась слезами, и произносила нѣсколько словъ, которые были прерываемы взрыданїями. Базиль, который услыша сей неожидаемый шумъ обратилъ свои глаза въ ту сторону, бросился въ сїю толпу, продрался сквозъ оную, и бѣжалъ броситься въ объятїя сей нещастной женщины, крича: Ахъ матушка!

въ самомъ

въ самомъ дѣлѣ была это Николина, которая не могла рѣшиться удалиться отъ своего сына, не имѣя утѣшенія его увидѣть въ послѣдній разъ, и узнавъ о томъ мѣстѣ, гдѣ должна была съ нимъ растаться, пришла и вмѣшалась въ число зрителей: она безпрестанно говорила тѣмъ, которые ее окружали, будучи угнѣтаема движейіями, которыхъ не могла побѣдить: Это мой сынъ! это мой сынъ! Разъяренный Реми ставъ между Николиною и Базилемъ: оттолкнувъ послѣднюю съ жестокостію: Базиль наполненный благородною смѣлостію остановилъ его, взялъ ее въ свои объятія и сильно плакалъ: да, это моя мать! и никто не осмѣлится вырвать ее изъ моихъ объятій, задумчивость слѣдовала за жаромъ: Николина взглянула на Реми, и упрекала себя, что она Базилю причиняла нещастіе: нѣтъ, сказала, сія женщина, которая была исполнена нѣжности и великодушія, вскричала: я ему не мать... Я его не мать. Реми радовался: вы слышите сказалъ къ собранію? это

это моя мать, прервалъ Базиль съ жаромъ: повѣрьте моимъ движенїямъ, моимъ объятїямъ. (*Онъ сильнѣе ее прижималъ къ своей груди*) Я вижу, она боится лишить меня состоянїя, которое мнѣ не принадлежало. Ахъ! лишила меня тѣхъ мученїй, которые совѣсть мнѣ причиняла . . . . Я васъ точно увѣряю, что я не Маркизъ: что я не сынъ Маркизѣ, я въ этомъ ссылаюсь на самихъ васъ; она только мнѣ благодѣтельница: вотъ моя мать: я ее сынъ и всегда онымъ буду; да, любезная мать, я тебѣ себя на вѣки возвращаю. Николина, которая была управляема природой, и не имѣла силы оной противиться: то и объявила при всѣхъ правду: материнская любовь показалась! она много разъ повторяла проливая слезы: о мой сынъ! любезный сынъ!

Собранїе было опечалено, и находилось въ разномъ положенїи, которые показывали изумленїе, явное уничтоженїе приключило дѣвицѣ Аммервиль обморокъ, она упала на землю; дядя старался ее утѣшить. Что касается

ся до госпожи Менневалы, что она была поражена на подобіе громоваго удара: она упала на руки къ ея комнатной дѣвушкѣ. Пришедши въ чувство, утвердила она признаніе Базиля, и слабымъ голосомъ призналась она въ томъ ужасномъ намѣреніи, которое предложилъ Реми, оказывала свое раскаяніе, сказывала, что ее пожирала печаль съ самого того времяни, въ которое она имѣла слабость, слѣдовать сему наказанія достойному предложенію.

Базиль будучи симъ сильнымъ побужденіемъ природы приведенъ въ себя: хотѣлъ онъ возвратиться къ любви: онъ прошелъ къ дѣвицѣ Аммервиль, которая была въ прежнемъ состояніи. Дядя ее побѣжалъ съ сердитымъ видомъ, велѣлъ ему съ многими угрозами отойти, называя его крестьяниномъ; онъ также запрещалъ ему показываться въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ находиться съ своею племянницею. Базиль вскричалъ съ негодованіемъ: Да, я ничто иное какъ бѣдный крестьянинъ, и я дѣлаю изъ своей

подлости

подлости себѣ честь . . . И такъ здѣсь любятъ только знатность и богатство! . . . напротивъ того сердце мое напоено нѣжнѣйшею, вѣрнѣйшею и чистѣйшею любовїю! . . . Я лишаюсь на вѣки Парижа, и всѣхъ тѣхъ, которые въ ономъ обитаютъ: я возму прежнюю одежду, мое состоянїе и съ ними мою невинность. Матушка, обоймите меня: возвратимся въ нашу деревню, будьте увѣрены, что я не позабылъ пахать; пойдемте въ такое мѣсто, гдѣ позволено сыну почитать и любить свою мать

Все собранїе отъ нѣжности и удивленїя проливало слезы. Одинъ изъ родственниковъ гжи. Маркизы сказалъ Базилю, что онъ будетъ стараться о его щастїи. Мое щастїе, отвѣчалъ Базиль твердымъ голосомъ, вы его видите: оно въ моихъ объятїяхъ и я другаго не желаю. Я васъ благодарю за ваши благодѣянїя, я только желаю, чтобъ могъ мать свою прокормить своею работою, вотъ все то, о чемъ я прошу Бога. Мы родились для хлѣбопашества, мы омочаемъ оное

нашимъ попомъ, а оной мнѣ не причиняетъ ни безпокойства, ни угрызенія совѣсти.

Госпожа Менневаль, пристыженная симъ приключеніемъ, пошла въ монастырь. Что касается до Реми: то получилъ онъ награжденіе за свой обманчивой и хитрой разумъ: нашли у него записки, которые открыли всю его подлость и порочную его душу: онъ признался, что въ самомъ дѣлѣ имѣлъ намѣреніе поставить Базиля на мѣсто Маркиза, и жениться на Маркизшѣ. Правосудіе имѣло много доказательствъ, которые и принуждали его наказать, а Базиль, которой принявъ высокое состояніе, принялъ бы можетъ быть злую и порочную душу, возвратясь же въ свою деревню имѣлъ удовольствіе предаться добродѣтельнымъ склоностямъ, и имѣлъ сердце наполненное чувствительностію.

 КОНЕЦЪ

138
18